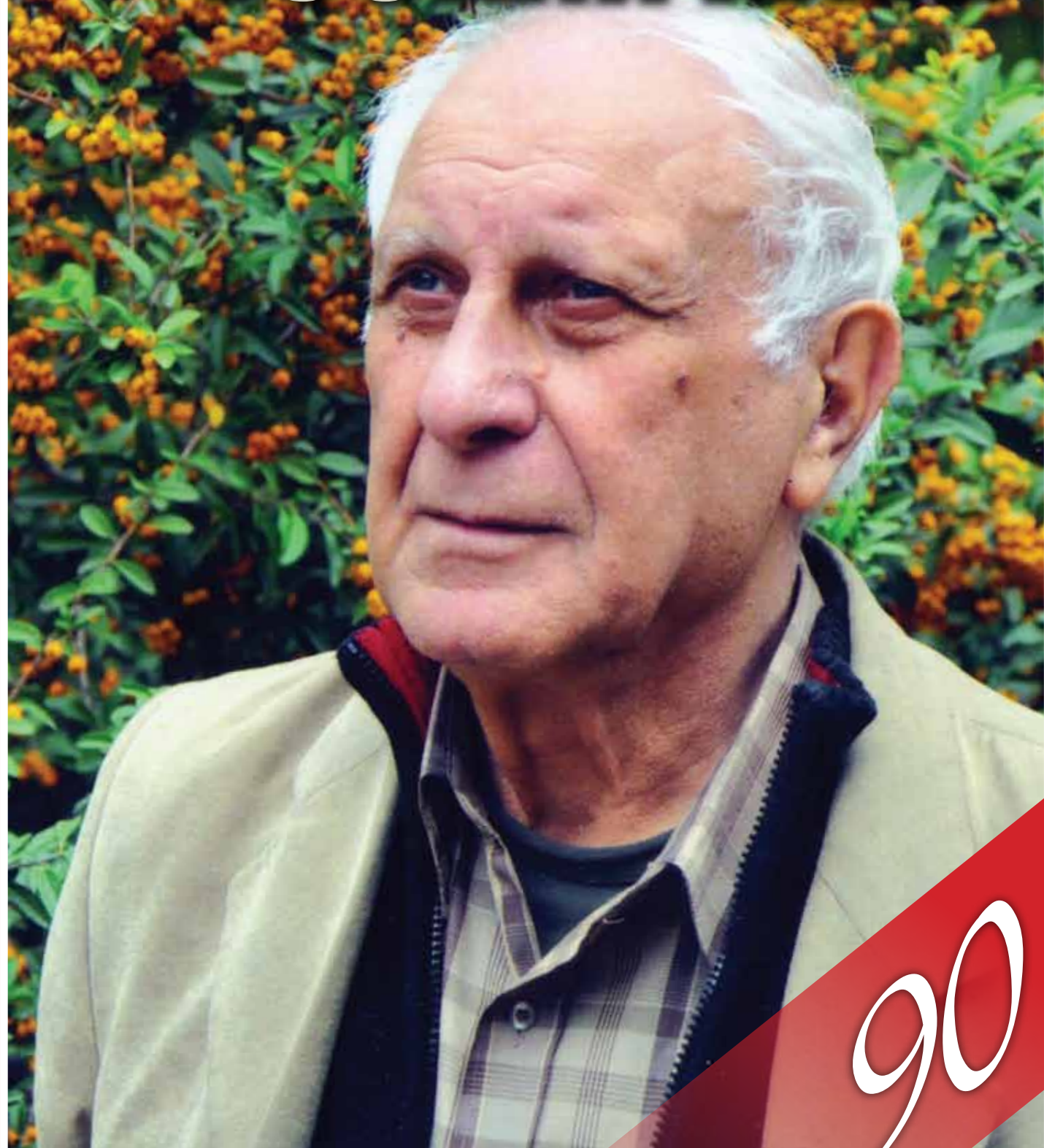

№11

ноябрь 2025

РУССКИЙ КЛУБ

90

90

Пожалуйста, верьте в себя, любите, ничего не бойтесь, будьте свободными, рискуйте. Понимаете, жизнь – такая штука, что вроде бы ты вот молодой, молодой, молодой, а потом – бац! – и конец. Огляды-ваешься и думаешь о том, как много всего не сделал, потому что боялся, стеснялся, струсил. Не надо ничего бояться. Рискуйте. Пусть даже вы ошибетесь. Это жизнь. И, главное, конечно, любите друг друга. Всегда, каждую минуту. Любите...

Людмила ГУРЧЕНКО

РЕДАКЦИЯ

Грузия 0105, Тбилиси,
пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 293-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru
www.russianclub.ge

Главный редактор
Нина ШАДУРИ-ЗАРДАЛИШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Алла БЕЖЕНЦЕВА
Инна БЕЗИРГАНОВА
Эмзар КВИТАИШВИЛИ
Демико ЛОЛАДЗЕ
Михаил ЛЯШЕНКО

Дизайн и верстка
Давид ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Корректурa
Алена ДЕНЯГА
Лали ХАТИАШВИЛИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»

Грузия
Зураб АБАШИДЗЕ
Нани БРЕГВАДЗЕ
Гуджа БУБУТЕИШВИЛИ
Роин МЕТРЕВЕЛИ
Ирма СОХАДЗЕ
Александр ЭБАНОИДЗЕ

Армения
Каринэ ХАЛАТОВА

Беларусь
Валентина ПОЛИКАНИНА

Великобритания
Князь Никита ЛОБАНОВ-РОСТОВСКИЙ

Израиль
Давид МАРКИШ

Россия
Заур КВИЖИНАДЗЕ
Елен ДОРИС

Франция
Граф Петр ШЕРЕМЕТЕВ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА

В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

РУССКИЙ КЛУБ

№11 (241)
ноябрь 2025

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

საზოგადოებრივ-მხატვრული გამოცემა

СОДЕРЖАНИЕ

- 4** ОТ А ДО Я
РОБ АВАДЯЕВ
- 6** ПРОБЛЕСКИ
ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ
- 11** СУХУМИ – ТБИЛИСИ – СИДНЕЙ
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ
- 14** «ОБИТЕЛЬ МОЯ РАЗРУШАЕТСЯ. ИДИ И ВОССТАНОВИ ЕЕ!»
ИННА БЕЗИРГАНОВА
- 19** ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕ ОТРИНУТЬ И ВЗЛЕТЕТЬ
НИНА МАЗУР
- 22** ВГЛЯДЫВАЯСЬ В КРАСОТУ
АНАСТАСИЯ ХАТИАШВИЛИ
- 25** ДАВАЙТЕ БЫТЬ ПАТРИОТАМИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ
РУБЕН ПАШИНЯН
- 28** ТАЙНА СТИЛЯ
АННА БЕРДИЧЕВСКАЯ
- 36** ПОСЛЕДНИЙ ЛЕВ ГРУЗИИ
КЕТЕВАН МГЕБРИШВИЛИ
- 39** СЛЕД ЖИЗНИ
АЛЕКСАНДР ЭБАНОИДЗЕ
- 43** АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С КАВКАЗОМ
НИНЕЛЬ МЕЛКАДЗЕ
- 48** НИКО МУСХЕЛИШВИЛИ
ОМАР ШУДРА
- 49** ГОРЕНЬЕ РУССКОЙ ДУШИ
АРТЕМ КОМАРОВ
- 51** У НАС, В «ОБВОДНОМ ПЕРЕУЛКЕ»
АРТЕМ КИРАКОЗОВ
- 54** МЕЧТА ЮНОГО ЧЕМПИОНА
ТЕНГИЗ ПАЧКОРИЯ

На обложке – **ЭМЗАР КВИТАИШВИЛИ**
Фото: **Б. АРАБУЛИ**

от а до я

Роб АВАДЯЕВ

ЭТОТ САМЫЙ САША ЧЕРНЫЙ

Александр Михайлович Гликман, известен нам как Саша Черный – прекрасный русский поэт, сатирик, прозаик и один из самых ярких представителей литературного юмора начала XX века.

Он родился в октябре 1880 года в Одессе в еврейской семье аптекаря. В семье было пятеро детей, двоих из которых звали, как ни удивительно, Саша. Чтобы братьев как-то отличать, блондина называли «белый», а брюнета – «черный». Так в будущем и появился псевдоним – Саша Черный. Сначала наш герой поступил в гимназию в Белой Церкви со второй попытки, годом раньше его не приняли из-за еврейского происхождения – родители окрестили его, и все разрешилось. Но позже его определил отец во 2-ю Петербургскую гимназию, где он скверно учился и был из-за неуспешной сдачи работы по алгебре отчислен. Семья этого не простила, и упрямый, независимый тинейджер ушел из дома буквально «на улицу». Там он бедствовал, скитался, побирался и кем только ни был, но чаще репетиторствовал, занимаясь с недорослями из состоятельных семей, а подчас и делая за них домашние задания. Но после того, как в газете «Сын отечества» в 1897 году появилась публикация «Срезался по алгебре», ему посочувствовал и помог хороший человек – Константин Константинович

Роше, почетный мировой судья из Житомира. Он растрогался историей юноши, взял его к себе и 2 октября 1898 года определил его в 5-й класс 2-й Житомирской гимназии. Но через пару лет Александр опять был исключен «без права восстановления» за «оскорбление начальства». Будущий сатирик не удержался и написал дерзкое стихотворение, высмеивающее глупость тамошних ревнителей морали, держиморд и лично директора гимназии. И отныне ему оставался только один путь – в армию. Он два года прослужил вольноопределяющимся в учебной команде 20-го Галицийского пехотного полка. И в октябре 1902 года демобилизовался и вернулся в Житомир к «названному отцу» Роше. Но он уже был очень взрослым и вскоре отправился в свободную жизнь. Два года он служил чиновником на бессарабской таможне, а после – таксировщиком в налоговой службе Петербурго-Варшавской железной дороги. Его преданно продолжали опекать Роше и его родственники. И вот, после первых газетных публикаций в 1905 году, наконец появился в русской литературе поэт Саша Черный! Его сатирические стихи публиковались в журналах «Зритель», «Альманах», «Журнал», «Маски», «Леший» и других. Как писал Чуковский: «Получив свежий номер журнала, читатель прежде всего искал в нем стихи Саши Черного». Настоящая слава пришла к нему после выхода сборника «Сатиры» (1908). Его стихи, полные злого юмора, бичевали обывателей, чиновников, пошлость и ханжество. Черный писал просто, метко и близко к разговорной речи. Но «Дневник фокса Микки», «Сказки для больших и маленьких», стихотворения о детях и животных – полны тепла и мягкой иронии. В Первую мировую поэт вновь в армии, служил рядовым при 13-м полевом лазарете в Пскове. Но после революции 1917 года перебрался в Литву и по поддельному свидетельству о рождении через Ковно и Кенигсберг уехал за границу – сначала в Германию, затем осел во Франции, в Провансе. В 1929 году приобрел там участок земли в местечке Ла Фавьер, построил свой дом, куда приезжали русские писатели, художники, музыканты. Там писал стихи, рассказы, детские книги. Его эмигрантские произведения проникнуты ностальгией и тоской по России, но не озлоблением. Погиб он трагически в июле 1932 года: спасая во время пожара соседского ребенка, получил сердечный приступ.

Кстати, он часто шутиливо сетовал, что выбрал неудачный псевдоним – и всю жизнь «каждый норовит называть «Сашей», а не уважительно Александром Михайловичем».

ОТ КОЛЬЧУГИ ДО ЖАКЕТА

А знаете ли вы, что привычный нам жакет происходит от рыцарской кольчуги?

Эта одежда появилась еще в Средневековье, и ее название происходит от имени Жак (Jacques). Так во Франции XIII-XIV веков называли простого солдата или крестьянина. Французское Jaque обозначало короткий стеганый или кольчужный жилет, который носили пехотинцы под доспехом или вместо него. То есть, это безрукавка, набитая конским волосом или паклей, с нашитыми металлическими кольцами для защиты от удара меча, копья или попадания стрелы. В хрониках встречается выражение *porter la jaque* – «носить жак», то есть быть пехотинцем. Рыцари же носили металлические доспехи, это было более существенной защитой.

А позже в XV-XVIII веках этот предок бронежилета стал гражданской одеждой и превратился в удобную короткую куртку «жакетка» (дословно «маленький жак»), короткую, приталенную, застегивающуюся спереди. И она даже стала нарядной испанской чакетильей – коротенькой расшитой курткой тореадора или повседневной без застежки болеро.

Во Франции XIX в. слово *jaquette* стало обозначать мужскую верхнюю одежду до бедра, позже – женскую короткую куртку.

В русский язык слово жакет обозначало мужскую куртку (аналог скюртука, но короче). Сегодня «жакет» – часть делового или повседневного костюма, родственник пиджака, сохранивший общую черту: укороченность, приталенность и функциональность.

Испанская чакетилья сохранила театральность и блеск; француженско-русский жакет – повседневность и элегантность.

СТАРИК, СПАСШИЙ ИМПЕРИЮ

Часто, в конце правления любой династии, появляется правитель, который немало нервов и крови портит подданным. А если не крови, то уж точно надоедает им до зубовного скрежета. И, подчас, они заканчивают плохо: их случается попросту убивают, как, например, зловещего Нерона или в конце правления Флавиев императора Домициана. Рим не раз менял хозяев, — но редко встречал правителей, приход которых воспринимался с явным облегчением. Таким стал Марк Кокцей Нерва, человек без армии, без наследников и без тщеславия. В 96 году н.э., после убийства тирана Домициана, именно его сенат выдвинул как компромисс — старого сенатора, не запятнанного кровью. Ему было около шестидесяти шести, и он, казалось, уже завершил карьеру. Но судьба распорядилась иначе: за шестнадцать месяцев на троне он успел вернуть римлянам чувство безопасности.

Нерва отменил казни за политические взгляды, вернул изгнанников, простил должников и ослабил налоги. В эпоху, где страх был нормой, он рискнул построить власть на доверии. Армия, правда, такого гуманизма не оценила: преторианцы однажды даже взяли императора в заложники — редчайший случай в истории. Чтобы умиротворить их, Нерва сделал мудрейший шаг — усыновил полководца Траяна, будущего создателя «золотого века» Рима.

Он правил недолго, но честно. Не позволял воздвигать себе статуи (брали старые и меняли только голову), не прославлял собственные подвиги, а завершал чужие — например, достроил форум, начатый Домицианом. После смерти его обожествили, но сам он, пожалуй, меньше всего об этом мечтал. Нерва остался в памяти не завоевателем, а примером редкой добродетели — человека, который умел быть властью, не теряя человечности.

Мы предлагаем вашему вниманию реконструкцию облика этого императора — вполне похож на современных людей. И не очень-то он и старик, похож на современного, скажем, председателя совета директоров серьезного банка.

КОМПОЗИТОР С ТЕЛЕСКОПОМ

Великий французский композитор Камиль Сен-Санс, невзирая на звучную фамилию, не принадлежал к аристократии. Его семья происходила из образованного буржуазного слоя Парижа. Он родился осенью 1835 года. Отец, Жак-Жозеф Виктор Сен-Санс, служил в министерстве внутренних дел, мать, Франсуаза Клеманс Коллен, была женщиной высокой культуры. Отец умер вскоре после рождения Камилля, и воспитанием мальчика занялись мать и его двоюродная бабушка Шарлотта Массон — именно она первая заметила его талант и обучала игре на фортепиано. Уже в три года он подбирал мелодии, а в пять-шесть выступал на публике, играя в четыре руки со взрослыми пианистами.

Представьте, он поступил в Парижскую консерваторию в тринадцать лет. Там юноша изучал орган и композицию под руководством Франсуа Бенуа и Фромантала Галеви. Директор консерватории Даниэль Обер требовал, чтобы пианисты обучались еще игре на органе — профессии гораздо более надежной, и Сен-Санс всю жизнь служил органистом: сначала в церкви Сен-Мерри, а затем двадцать лет в знаменитой Мадлен — главной церкви Франции. С 1861 по 1865 год преподавал в школе Эколь Нидермейер; среди его учеников был Габриэль Форэ. Его органной игрой восхищались Россини, Берлиоз, Полина Виардо, а Лист называл его «величайшим органистом мира». Но главное, Сен-Санс начал сочинять музыку всерьез еще студентом. И писал музыку во всех жанрах — оперы, симфонии, концерты, хоровые и камерные произведения. Среди его шедевров — «Карнавал животных», симфония № 3 «Орган-

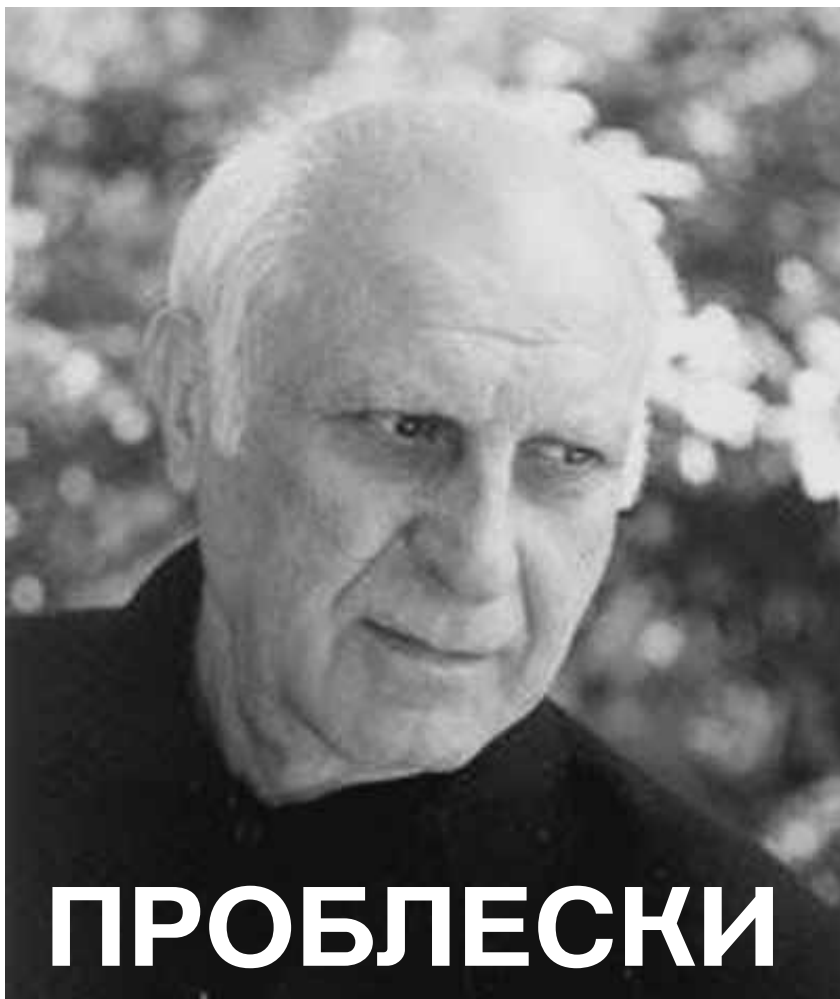

ная», «Самсон и Далила», «Данза макабра». Он гастролировал по Европе, обеим Америкам, Африке и Азии, а в 1908 году сочинил музыку... к фильму «Убийство герцога де Гиза». И еще, он с удовольствием аккомпанировал великой русской балерине Анне Павловой, вдохновенно исполняя на рояле своего «Лебедя» из «Карнавала».

Маэстро был разносторонним человеком: интересовался астрономией, археологией, ботаникой и наукой в целом. На первый гонорар купил телескоп от публикации своих произведений и даже, говорят, открыл пару комет. Во время франко-прусской войны он не стал отсиживаться в стороне, а принял самое деятельное участие. Маэстро Камиль служил в гарнизоне Парижа, заступал на дежурства и давал благотворительные концерты. А еще отличался остроумием — предложение руки и сердца любимой девушке композитор сделал запиской брату невесты с просьбой стать его «сводным братом».

Сен-Санс был убежденным классиком и резко критиковал модернистов. Его эстетическая вражда с Дебюсси стала символом смены эпох во французской музыке. «Современные композиторы хотят разрушить все, даже то, чего сами не понимают», — говорил он. И добавлял: «Я не консерватор — я просто не люблю глупости, прикрытые словом “новое”».

Этот разносторонний человек был еще и поэтом, драматургом и блестящим мыслителем. «Вдохновение — это упорный труд, — писал он. — Музыка должна быть логична, как геометрия, и прекрасна, как поэзия. Все остальное — каприз».

ПРОБЛЕСКИ

Эмзар КВИТАИШВИЛИ

Перевод **Асма ДЖАГМАИДЗЕ**
Редактура **Нина ШАДУРИ**

В последние годы, не такие уж радостные годы старости, мне в основном приходится сидеть дома и смотреть с деревянного балкончика на левый берег Куры. Эта панорама полюбилась мне с детства, и пусть даже десять жизней сплетутся в одну, она мне никогда не надоест. За впечатления, которые накопились у меня за долгое время, я благодарен безоблачным, солнечным дням и чистому небу.

Вдоль горы Махата, слева от могучего собора Самеба, по аллее выстроились в ряд крытые домики. По всей вероятности, та местность должна быть испещрена узкими улочками. А вот и подтверждение – по утрам, меж зеленых ветвей, золотой цепочкой, или, скорее, лентой, вспыхивают и вскоре гаснут лобовые стекла и кузова автомобилей, движущихся со стороны Кахети и в ее сторону, и палящее солн-

це светит на них прямо сверху. Иногда, вдруг, поток машин покрывает платиновая белизна, и можно подумать, что между зеленой порослью проскользнула ртуть. Они дарят мне покой и блаженство, эти мгновенные вспышки отражений, неуловимые, из-за дальнего расстояния отдающие красным, эти ползущие, блестящие на солнце машины я даже сравнивал с серебряными тараканами, хотя уподобление не дает тебе полного права, и порой нужно воздерживаться от подобного соблазна.

В окрестностях Кукия тоже видны несколько ослепительно ярких вспышек (освещенные все тем же солнцем оконные стекла либо новехонькие оцинкованные крыши). Неподвижные светящиеся точки, большие и малые зеркала, они не меняют своего местоположения, чаруют и настраивают на возвышенный

лад. Озябший, окоченевший, я тем не менее предпочитаю быстрое течение отраженных утренних лучей; они напоминают мне поток сверкающей огненной лавы из вулкана и кипение плавящейся в горниле стали.

В основании всего лежит причина, любое явление нуждается в убедительном разъяснении, и мне, человеку поверхностному, не зрящему в корень, сделать это весьма затруднительно. Я могу лишь уточнить определенный временной отрезок. Сверкание отраженных точек на мчащихся машинах в основном происходит утром – в девять, десять, одиннадцать, двенадцать часов. Затем постепенно угасает. К полудню пропадает совсем. Есть ли вообще что-либо вечное в нашем безбрежном мире, чтобы это ослепительное сияние продолжалось бесконечно? Признаю, я не гоюсь для разгадки такого таинственного случая. Если бы не надолго (получаса хватило бы с лихвой) мне был дан разум Леоны Батиста Альберти либо Блеза Паскаля, я бы вмиг вычислил угол падения пучка солнечных лучей на движущийся либо статический предмет, и стали бы более понятными сила их сияния, их угасание и исчезновение в тенистых местах. Сколько раз, глядя на лучистые вспышки, я огорчился – что мне делать с таким количеством злата-серебра, неисчислимым богатством?! Много чего меня интересует, но из-за дилетантства не решаюсь копнуть глубже. Философы, последователи Дильтея и Гуссерля, феноменологи (Морис Мерло-Понти и другие) в основном исследуют проблемы восприятия. По их мнению, все, что попадает в поле нашего зрения, отпечатывается на сетчатке глаза. Отсюда вывод – у чувств не хватает четких очертаний, а восприятие складывается уже в виде картинок. В данном случае надлежащим является «причинное объяснение». Невозможно подвергнуть сомнению тот факт, что «сознание внедрено в природу».

Порой мне кажется, что брызги взорвавшегося света вновь возвращаются на небо, растворяясь в недостижимом

для меня бездонном голубом своде. Особенно притягательны эти кратковременные всполохи вблизи громоздких, неуклюжих зданий с покатыми крышами, там, где склон почти заканчивается и ничто не мешает ему слиться с горизонтом. Таков же эффект и над упомянутым ранее Кукиа, расположенным довольно далеко, в стороне, на той же плоскости. Хорошо, что и там проведена автомобильная дорога, спускающаяся с Кавкасиони. Иначе бы не блистали сверкающие на солнце маленькие точки меж теней. Эти вспышки или всполохи вполне могут напомнить игру солнечных лучей на пенистом гребне морской волны, но на ее вихрастой главе венки из света и тени сплетаются непрестанно, пока солнце не сядет и берег не покроется сумерками. Сомневающиеся в моих словах вольны сами все перепроверить и лишь затем меня обвинять.

Люблю наблюдать и за тем, как с запада появляются самолеты, гудят на низкой высоте над громоздкими металлическими вышками разных размеров и так загадочно пропадают за покрытым редкими деревьями косогором, словно их земля поглотила. Там, на балконе, у меня появляется непреодолимое желание потихоньку охватить взглядом раскинувшиеся вокруг, вздымающиеся иссеченные склоны, которые в каждое время покрыты особым цветом, и на что смотреть не надоест никогда.

То, чем я любуюсь отсюда, невозможно потрогать руками, сколь ни приближайся, остается только взирать, и то недолго. Вспыхнув, сразу же гаснет, и на место одной вспышки приходит другая, также обреченная на исчезновение. И та, другая, как ни удивительно, может всплыть поодаль, в другом месте. Хотя эти блистающие вспышки длятся секунды, как снизошедшее вдохновение, но они так приятны взгляду, что большего и не надо. Достаточно половине неба затянуться облаками и солнцу не светить на левый берег реки, как идущие строем машины незаметно мелькнут меж деревьев, и видение вмиг исчезнет.

Не опиши я, хотя бы отрывочно, вышеупомянутую местность в ночи, картина получится неполной. При наступлении сумерек склоны все той же горы Махата, каждый пологий на свой манер, принимают совсем сказочный вид — фары приближающихся издалека машин словно катят изогнутый светящийся шар, бесшумно, мягко рассекая сгустившийся мрак, подобно тому, как нож рассекает масло. Хочется, чтобы ослепительный караван машин, окутанный гранатовым цветом фар, двигался бесконечно. В это время и небо всюду сверкает звездами, хотя это заметнее всего за пределами города, в селениях. К сожалению, все приближается к концу, и ослепительный всплеск постепенно теряет силу — поздней ночью промежутки между проблесками заметно увеличиваются, то там, то тут промелькнет мерцающий свет запоздавшей машины и вскоре совсем погаснет. И надо быть благодарным, что ты мог хотя бы несколько часов с восторгом наблюдать за головокружительным аттракционом.

Не буду прав, если пропущу еще один прекраснейший отблеск. Насладиться им можно лишь под вечер, в прощальных лучах предзакатного солнца. Напротив сохранившейся зубчатой башни Нарикала устроена канатная дорога (по моим смутным догадкам, она доходит до Ботанического сада), и стекла ее качающихся кабинок, на долгое время, до тех пор, пока они не скроются за станционными зданиями, заливаются цветом чистого золота. Желая безопасной и спокойной поездки всем тем, кто теснится в скользящих по воздуху кабинках, даже не подозревая, какой неописуемой красотой они окутаны.

Параллельно с этим, чуть выше и не касаясь черными колесами земли, разворачивается гонка не меньше. Как стемнеет, со стороны Соганлуги, вновь на низкой высоте, появляются самолеты. Интервал пугающе мал — три-пять минут. Величественно, целеустремленно движутся они ввысь, на запад и, поравнявшись с площадью Марджанишвили, на высоте двух-трех километров зависают в воздухе. Окутанные в красное, синее

и зеленое, они похожи на пульсирующие, ступенчатые факелы, вспыхивают и гаснут, словно светлячки, подобно вдоху-выдоху. Легко догадаться, какая красота царит в это время, вмешательство излишне, в детальном описании нет необходимости.

Стоит сказать и о переполненных пассажирами самолетов, что также стремглав несутся на запад, по тому же маршруту. Только-только поднимаются они над хребтом, как заходящее солнце заливает их своим светом, и фюзеляж, похожий на китовую морду, вспыхивает золотом, да так пламенно, что я прикрываю глаза рукой, хотя это сияние тоже недолгое.

Ночью или днем, когда я вижу пересекающие небо сверкающие самолеты, часто вспоминаю достойного сына Франции, отличающегося от всех своим мировоззрением и прозорливостью писателя, аристократа с головы до пят, первоклассного летчика Антуана де Сент-Экзюпери, и настроение меняется на иной лад.

Он остро переживал многовековое тяготение человеческого цивилизации, культуры и христианской религии к упадку и, вечно жаждущий, задыхался от царившей вокруг духовной недостаточности. Непримируемый противник тоталитарных режимов, он не переносил превращения людей в слабоумную, послушную толпу, всеобщего нивелирования, утраты личности, преобразования людей в конвейерных роботов, механических термитов. Скорбел, что после Первой мировой войны его поколение духовно обеднело, было опустошено; одурманивание алкоголем и другими соблазнами в ночных кафе и барах, распущенность и аморальность отняли у них смысл жизни. Эта ситуация еще более усугубилась на рубеже двадцатого и двадцать первого веков, когда наркомания, загоняющая молодежь в могилу, перешла все границы.

Для Экзюпери были непростительным святотатством такая легкая перемена религии, партии, родины или жены, непривычно участившееся отчуждение и отдаление друг от друга, обесценивание человеческого

существования, семьи, охлаждение сердца к любви. Сокрушался, что любая лирика стала посмешищем. Недоумевал — ведь невозможно жить выхолощенным, без поэзии, чувств и любви. Уж лучше смерть.

Ужасало равнодушие к усопшим. Был случай — в Северной Африке, в Алжире, где он сам боролся с фашизмом и ему каждую неделю приходилось совершать роковые вылеты, погибли два американских парашютиста, и их похоронили наспех, без всяких почестей. Возмущенный и опечаленный, Экзюпери поясняет — так поступили потому, что погибшие не могли больше нести военную службу. Глядя на такие мерзкие поступки, он уже не волновался, погибнет в бою или нет.

Об этом и многом другом вы можете прочесть в его письмах к другу, бескорыстному помощнику, единомышленнику, генералу бригады Рене Шамби, которые он писал летом 1943-го, за год до своей гибели. Одно из писем он заканчивает так: «Верьте в мою дружбу».

Как можно было не верить создателю «Маленького принца» — самой чистой и грустной сказки! Примеров столь редкого изящества, созданного человеком, весьма и весьма мало. Настоящее чудо этот Маленький принц, нежно ухаживающий за своим единственным цветком, розой с четырьмя шипами, и самозабвенно в нее влюбленный.

Всех прекрасных сказок в мире и не перечислить, но ни одна не сравнится с творением Экзюпери ни по простоте речи, ни по строю, ни по полету воображения. Нет необходимости пересказывать подробно приключения златокудрого мальчугана, но кое-что отметить стоит.

Эта сказка — своеобразный ключ к многогранному миру гениального французского писателя, иначе освещающий многие скрытые способы и раскрывающий их для нас со всей очевидностью.

Перед военным летчиком, вынужденно приземлившимся в пустыне Сахара и склонившимся над сломанным мотором, предстает слетевший с маленькой звезды такой же Маленький

принц, и это настолько просто описано, что сомнений не возникает — их встреча и беседа самые настоящие.

Жажда человека и беспомощного звездного мальчика, оставшихся без воды в покрытой желтыми песчаными дюнами, невыносимо знойной пустыне, только возрастала. И тут же вспоминается та удушающая жажда, вызванная упадком духовности, что с юных лет мучила Антуана. Обнаруженный в этом пекле деревенский колодец, из которого человек наполнил студеной водой пришельца с пронумерованного астероида и вернул его к жизни, похож на мираж.

Экзюпери на дух не переносил неверующих, помешанных на цифрах, расчетливых до крайности, болезненно подозрительных, дотошных нигилистов, и в этой сказке один из таковых безжалостно им высмеян.

В одном из своих личных писем он и не скрывает, что его, сидящего в кабине самолета, раздражали цифры на приборах, механическое управление штурвалом, и сетовал, мол, так и летающим бухгалтером недолго стать. Позднее его опасения и впрямь оправдались ввиду роботизации человечества.

О многом говорит эпизод, в котором Маленький принц, навечно влюбленный в единственную розу, оставленную на астероиде, на Земле, в одном только саду, увидит сразу пять тысяч роз. Множество и однообразие обесценивает красоту. (Экзюпери также не переносил серийное производство и поклонялся неповторимости творений ручной работы). Таким образом, иносказательное повествование намекает нам на противостояние мечты и действительности. Невольно вспоминается и крылатая метафора Руставели: «Красота, в цене теряя, ничего уже не стоит».

И появившийся внезапно Лис умоляет Маленького принца: «Пожалуйста... приручи меня... Если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственным в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете». Другой совет Лиса, частого обитателя

сказок, тоже запоминается и поддержит глубокую мысль: «Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь».

Слезы наворачиваются от изумительных последних эпизодов сказки, когда настает час разлуки. С неописуемой легкостью и трепетом передано, как медленно и безмолвно, подобно спиленному дереву, падает неземной златокудрий мальчик, и его тонкая душа возвращается на далекий-далекий астероид, к сиротливо растущей розе.

Этот неувядающий шедевр, который Антуан де Сент-Экзюпери проиллюстрировал своими наивными рисунками, он посвятил любимому другу юности, запертому в поработленном гитлеровцами Париже: «Леону Верту, когда он был маленьким», другу, который и во взрослой жизни не утратил детской искренности и наивности. Достаточно было бы одного этого трогательного посвящения от создателя «Маленького принца», чтобы сделать его соучастником бессмертия.

Несомненно, стоит отдельно отметить мощный по силе роман «Планета людей», который Экзюпери посвятил своему искреннему другу Анри Гийому. Главную мысль романа он коротко передал в одном из писем. Эту бессмертную книгу он создал под натиском воли: «Я хотел сказать своему поколению: вы — обитатели одной планеты, пассажиры одного корабля!»

Истинное, предостерегающее увещевание великого писателя неуравновешенный, жадный до богатства и роскоши род человеческий до сих пор не усвоил, и потому на грешной земле столько кровопролитных ужасов.

До тех пор, пока «Планета людей» существует и вращается вокруг раскаленного Солнца, приснопамятный всполох, божественное сияние военного летчика Антуана де Сент-Экзюпери на многовековом небосклоне мировой литературы никогда не утратят цвета и блеска — ничто этому не воспрепятствует.

И снова я должен вернуться к главной мысли, как поступал уже не раз. Не могу оставить

вот так, урезанно, свое беглое наблюдение за самолетами (по ходу я многое пропустил) и уж довершу задуманное. Третье зрелище, возвышенное и доступное для всех желающих без исключения, вновь требует солнечного ясного утра: со стороны той же горы Махата, южнее, у горы Фавор, внезапно взмывает испытательный реактивный самолет, поначалу невидимый, за которым вьется тонкий шлейф белого кудрявого дыма. До тех пор, пока его не растреплет ветер, он похож на плывущего в океане угря. В середине пути, дальше гостиницы «Иверия», над развалинами Нарикала и церковью Анчисхати, скрытой за грудой построек, на пересечении углов падения, в выверенной или рассчитанной точке, горячее солнце осветит его, и мерцающий остов самолета на один миг, единственный раз промелькнет белой тенью. Вздрогнув, я на мгновение цепенею, настолько он похож на кокон стрекозы, который мне доводилось видеть в детстве на покрытом мхом грушевом дереве в знойные августовские дни, когда я гостил у тети в деревне. Эта стрекоза оглушительно стрекотала в нашем фруктовом саду, а когда умолкала, я знал, что она уже улетела. Я подбегал к дереву и вытаскивал вжатое в зеленоватый сухой мох оставленное ею полое одеяние. Оно было взрезано, вспорото со спины, и я догадывался — она выбралась из этой щели и проворно исчезла, устремилась на волю. Я клал на ладонь оставленного мне на память невестомого двойника; дул на него, чтобы увидеть, как он взлетит, словно крошечный мыльный пузырь, и затем опустится на зеленый, с небольшой желтизной, плевел.

От сельчан я слышал, что своим непрерывным стрекотаньем стрекоза помогает дозреть поспевающему винограду. И правда, после лета, во время сбора винограда, не слышно уже ее резкого пронзительного стрекота. Надо отметить и то, что в мифологии стрекоза, в отличие от вечно безобидной, крошечной божьей коровки с выпуклой крапчатой спинкой, считается

довольно зловредным насекомым, из-за молниеносной скорости полета ее называли «конем лукавого».

Японцы, отличающиеся утонченным чувством красоты и изящества, — фанатичные любители самых разных насекомых (почти в каждом большом городе есть сотни магазинов с блестящими синими жуками и прыгающими кузнечиками), и никто не сравнится с ними в поклонении стрекозам. У них имеется даже разукрашенный на все лады «Остров стрекоз», наверное, их самое любимое место для прогулок. Множество завораживающих стихотворений посвящено стремительным, словно догоняющим свою тень стрекозам. Некоторые хокку даже признаны шедеврами.

А в это время летящий дюралюминиевый самолет, уподобленный сброшенному одеянию или кокону, скрывается в своем же шипучем дыму и вскоре бесследно исчезает в южном небе, как будто его и не бывало. Я должен ждать явления нового, другого дела — нет. Порой я с легкостью, быстро перехожу из одного состояния в другое, никакой подготовки мне не требуется, и из деревни вновь возвращаюсь в городской смог... Сравнительно редко эти заостренные, тонкие, как прутья, «угри» движутся с противоположной стороны, то есть с севера на юг, а когда поравняются с солнечным диском, на них на одно мгновение падает поперечный луч, и они, как и остальные, вспыхивают. Начинают немедленное снижение и пропадают из виду за гостиницей «Иверия».

Не скрою, эти внезапные мгновенные крохотные проблески и есть мое главное развлечение. Много чего я воспринимаю взглядом, отсеиваю, и затем разум все раскладывает по полочкам. Если вам хватит выдержки и терпения, спокойно взгляните в утреннее небо и дождитесь того краткого, слегка вытянутого и единственного проблеска. И тогда, поверьте, вами овладеет такое же сладостное чувство.

В полдень какой-нибудь неподвижный, освещенный сбоку

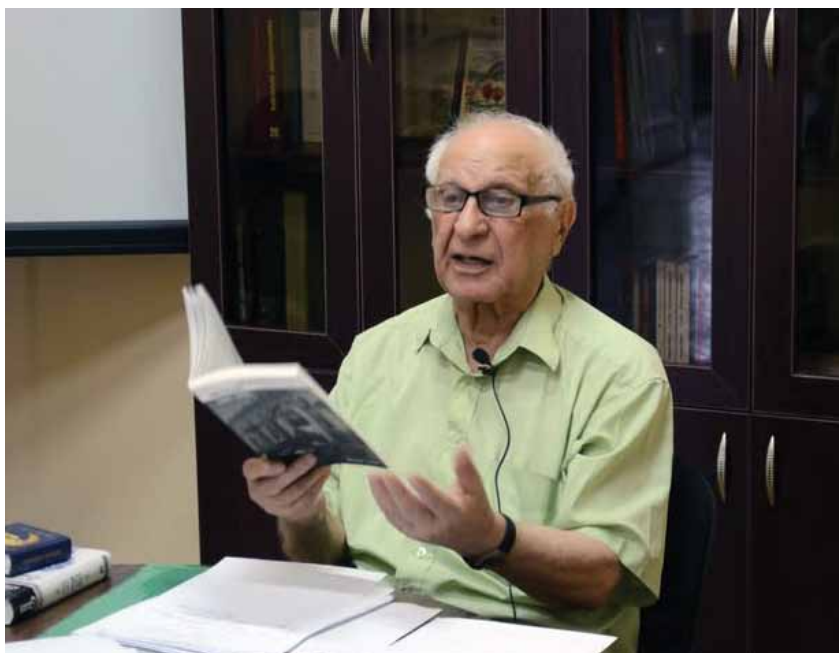
солнцем широкий предмет (возможно, квадратное стекло) время от времени пригоршнями отбрасывает искристые всполохи, и тебе кажется, что это бенгальские огни, и так они тебя завораживают, что глаз не оторвать. У дневного сияния, неподвижного и при этом мерцающего, как лава, больше очарования, ведь светить при свете — намного труднее и притягательнее.

Какими они вам покажутся с разного расстояния, какую форму примут? Для убедительного объяснения взаимоотношений взгляда и сияния, эффектов, необходимых всеобъемлющий разум и глаз Леонардо да Винчи (не буду упоминать Дюрера). Да где найду такого же непотеримого мудреца? Первый из лучших флорентинцев, он принимал во внимание свечение небесных тел (луны, звезд...) в темноте, их расположение и зависимость от солнца, и что бы вы ни пожелали узнать, он все бы вам разложил по полочкам.

Те, кто знал о неизмеримом, необъятном величии этого колосса, писали, что в нем сочеталось чувство конкретной природы и отвлеченный язык чисел, а ведь слияние их в одной личности казалось невозможным даже для Гете.

Мое сердце, конечно, терзается от того, что я потратил столько времени на безделицу. Однако я примирился с этим заранее — знал ведь, что из сверкающих, лишенных всякой плотности искр, взметнувшихся в воздух, не выплавить золотые слитки. Случится то, что уже не раз случалось и раньше. Ну и намучился же я, пока кропал эти несколько страниц. А другие, без хлопот и головной боли, лежа на боку, будут наслаждаться (так говорят мои читатели, если они честны). Эта ободряющая похвала вряд ли поможет моим застарелым страданиям, я останусь таким же беспомощным, как и прежде.

Как-то обидно, что возвышающийся всем на утешение, увенчанный крестом острокопечный купол грандиозного собора Самеба так долго остается в тени, и лишь в первом часу, под косыми солнечными лучами, его правая половина начи-

нает блеснуть золотым светом. Скажешь себе, смотреть бы до ночи на ослепительный свет этого чуда – ничего больше и не нужно.

Вместе с тем, еще кое-что вызывает у меня необъяснимое удивление – в облачный день, на фоне пасмурного серого неба, сусальное золото того же купола Самеба проявляется очень четко, и свет его покрывает все вокруг.

Время от времени меня охватывает нестерпимое желание – поделиться с другими той красотой, которую мелко просеивает мой взгляд. Удастся ли достичь столь причудливой цели, скорее всего, покажет будущее. Пусть никто не думает, что так легко запечатлеть все эти вспышки и сияния, а потом преобразить их в стройные строки, нервы я себе потрепал изрядно.

В этих обрывочных, с трудом сплетающихся друг с другом воспоминаниях нет и десятой доли того, что прошло через мои глаза и разум, на что я и сетовал не раз. Ну, подобные досадные вещи случались и с другими.

Лелею надежду до тех пор сохранить силу руки и неугасимую страсть к письму, пока не прервется в моих глазах легкая цепочка из золота-серебра, что сверкает в утреннем свете, отражаясь на кузовах и стеклах выстроившихся в ряд автомобилей. К сожалению, мало кто

способен это увидеть и оценить.

Когда речь заходит о геологических периодах нашей многострадальной планеты, которые определяют по слоям ископаемых пород, исчисляемых миллиардами лет, не раз упомянут и о том (попробуй не поверь!), что человеческая жизнь – мимолетная вспышка, проблеск в бескрайней и неограниченной во времени Вселенной.

Проблеск (свечение) – одно из тех слов, которые могут вмещать множество значений; принесенное извне в сущность человека (творца), оно также предстает перед нами как идеал художественного творения.

А главное – на что направлено это свечение, о чем оно нам говорит и что высвечивает. Не стоит и спорить о том, что его нельзя считать лишь физическим явлением. Но по этому вопросу лучше бы отдельно и в другое время обратиться к воззрениям глубоких исследова-

телей. Можно сказать заранее – почти всеми, кто приступал к самым разным исследованиям вспышек и излучений, овладевало печальное расположение духа, вызванное их недолговечностью.

Бывало и так – неправильно истолковав стихотворение или последнюю строчку в этом стихотворении (указующую на свечение), осведомленные в поэзии философы, великие ученые сталкивались лбами, даже находили общие соображения, но все же не могли прийти к полному согласию. Вот это и есть показатель того, насколько сложно написать настоящее стихотворение, насыщенное глубокими погружениями, которое мастерски пробуждает особенные скрытые впечатления.

Под конец хотелось бы немного утешить себя, измученного. Никто не будет сомневаться в том, что солнце – образ Божий. Оно сияет, оно изливается огнем даже тогда, когда вокруг царит ночь. Мы не раз читывали и прекрасно помним (и в этом нет ничего невероятного), что невообразимая сила невидимого, бесплотного Бога перемещена в солнце, это сияние и отражение Его души. Оттуда завораживающее сияние передается и нам, смертным, озаряя наши очи, дабы мы могли увидеть образ вечности. Эта изливаемая свыше милость подталкивает нас бежать прочь от безобразного, тленного, преходящего – к воздушному, неземному, чтобы достичь высшей мудрости и красоты, чтобы в нашем затуманенном сознании на место всего переменчивого пришло постоянное, неизменное, вечное.

Сердечно поздравляем классика грузинской литературы, выдающегося ученого, нашего дорогого друга Эмзара Квитаишвили со славным юбилеем! Много-много счастливых лет – в радости и благополучии!

Яна Хварцкия

СУХУМИ – ТБИЛИСИ – СИДНЕЙ

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Виктор Санеев из числа тех спортсменов, которые не только известны всему миру, но и по-прежнему очень почитаемы в десятках стран.

Легендарный легкоатлет Грузии и всей планеты, единственный в истории трехкратный олимпийский чемпион в тройном прыжке, серебряный призер Олимпиады-1980, двукратный чемпион Европы, шестикратный чемпион Европы в помещениях, восьмикратный чемпион СССР, трижды мировой рекордсмен в тройном прыжке, обладатель звания лучший спортсмен Грузии 1968, 1972 и 1976 годов, лучший спортсмен СССР 1968 года, лучший спортсмен Грузии XX века среди мужчин (по итогам опроса журналистов в 1999 году), Виктор Санеев навсегда вошел в историю и запомнился не только как великий спортсмен, но и необычайно обаятельный и интеллигентный человек.

Никогда не забуду тот день, когда я впервые увидел Виктора Даниловича. Это было осенью 1969 года в нашем родном Сухуми. Я был учеником 4-го

класса сухумской 17-ой школы. Вместе с одноклассниками мы пошли на матч местной футбольной команды «Динамо». Та игра ничего не решала в турнирной таблице, но на расклеенных по городу афишах было написано: «В перерыве матча состоятся показательные прыжки олимпийского чемпиона Виктора Санеева». Конечно, мы не могли не пойти! И надо ли осуждать организаторов, которые таким способом добивались аншлага на стадионе и пополняли кассу? Ведь прежде всего они таким образом выражали уважение и любовь к Санееву, который в юности занимался футболом и играл в юношеской команде «Динамо» Сухуми. И великий спортсмен никогда не отказывал и нередко украшал своими выступлениями матчи второй лиги чемпионата СССР.

Хорошо помню тот день, когда во время перерыва одного из матчей сухумского «Динамо» в 1970 году, после очередного прыжка В. Санеева, вызвавшего овации зрителей, молодой, но уже популярный футболист динамовской команды Гурам Габескирия громко обратился к чемпиону: «Виктор,

дорогой, я привезу тебе из Нижней Эшеры мягкий песок, тебе легче будет падать после прыжка». – «Гурам, брат, спасибо, – тут же ответил Виктор, – но на Олимпиаде в Мюнхене не будет эшерского песка, так что пусть останется какой есть».

До 1972 года Виктор жил в Сухуми, тренировался и в Сухуми, и в Тбилиси, а после Мюнхенской Олимпиады вместе с супругой Яной Хварцкия переехал в Тбилиси. Но он часто приезжал в родной город – любил тренироваться на старом стадионе между улицами Орджоникидзе и Леселидзе, где когда-то начинал свой путь в легкой атлетике. В 1989-1991 годах мне как молодому журналисту доводилось встречаться с Виктором на олимпийской базе в поселке Нижняя Эшера, куда он приезжал и как сотрудник республиканского спортобщества «Динамо», и как тренер – тренировал своего сына Сандро. В дальнейшем мое общение с В. Санеевым происходило в основном по телефону – с конца 1991 года он с семьей проживал в Австралии, в Сиднее. В последний раз мы общались в 2005 году, когда по приглашению Национального Олимпийского комитета Грузии и лично президента НОКГ Бадри Патаркацишвили он вместе с женой и сыном приехал в Тбилиси, и в столице Грузии феерично отметили 60-летие великого легкоатлета.

Тогда, на юбилее в Тбилиси, В. Санеев был удостоен званий «Рыцарь спорта Грузии» и «Почетный гражданин Тбилиси». Б. Патаркацишвили передал легендарному спортсмену подарок – чек на 50 тысяч долларов, и предложил ему вместе с супругой и сыном вернуться в Тбилиси, заявив о готовности предоставить Санееву квартиру в центре Тбилиси, автомобиль, работу в Олимпийском комитете и солидную зарплату. Виктор Данилович сказал, что «безмерно рад такому приему и душевно признателен за предложение, которое он с семьей обсудит позднее, по возвращении в Австралию». Так сложилось, что члены семьи В. Санеева отклонили предложение Патаркацишвили, решив остаться в Австралии, и он подчинился

Лери Хабелов и Яна Хварцкия

решению близких. Но в последующие годы и до конца жизни продолжал поддерживать связь и с руководством НОКГ, и со своими грузинскими друзьями и коллегами.

С тех пор прошло 20 лет. И вот 3 октября 2025 года в Тбилиси отметили 80-летие со дня рождения Виктора Даниловича. Мероприятия были организованы Национальным Олимпийским комитетом Грузии, Национальной федерацией Грузии «Спорт для всех» и Министерством спорта страны при активном содействии Федерации легкой атлетики Грузии, Университета спорта Грузии и Министерства культуры и образования Автономной республики Абхазия. В Тбилиси прибыла вдова В. Санеева Яна Хварцкия.

3 октября на стадионе Университета спорта Грузии прошел турнир легкоатлетов «Кубок Санеева» с участием молодых спортсменов Грузии, Армении, Azerbaijan и Сингапура. Затем на улице имени Захария Палиашвили, на стене дома номер 66, где в 1976-1991 годах проживала семья Санеевых, состоялось открытие мемориальной доски легендарного спортсмена. На церемонии при-

сутствовали ветераны спорта и молодые атлеты, руководители НОКГ, Минспорта и ряда федераций, депутаты парламента Грузии. Юбилейный день завершился торжественным вечером в Олимпийском комитете страны. Его ведущим стал первый вице-президент НОКГ Элгуджа Беришвили, который в 1991-

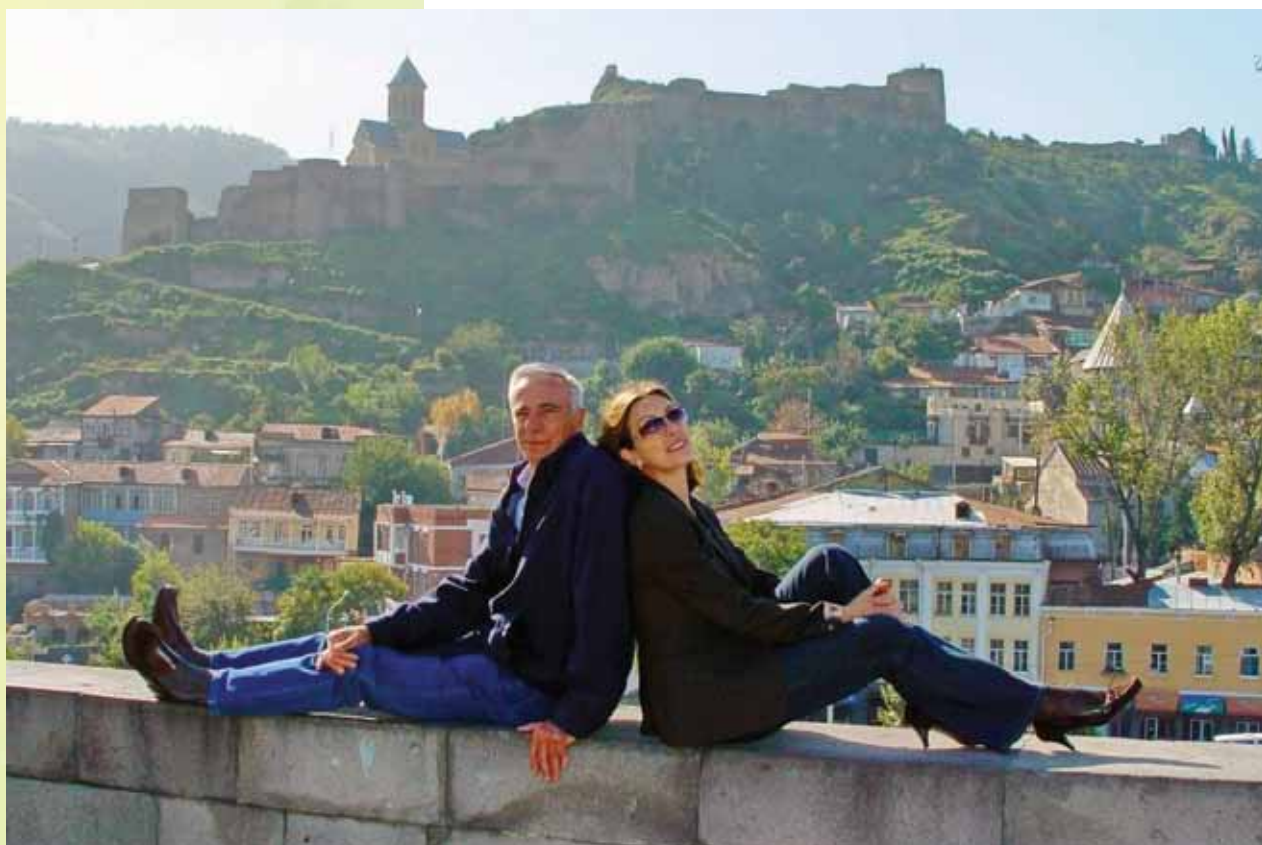
2012 годах возглавлял Ассоциацию спортивных журналистов Грузии и не раз встречался с Санеевым и в Грузии, и в Австралии. Был показан художественно-документальный фильм «Сухуми-Тбилиси-Сидней», снятый в 2024 году режиссером Гоги Торадзе, а консультантом картины имел честь быть автор этих строк. С воспоминаниями о Викторе Санееве выступили олимпийские чемпионы Нино Салуквадзе и Давид Гобеджишвили, бронзовый призер Олимпиады-1988, президент ГНФ «Спорт для всех» Майя Азарашвили, писатель Гурам Одишария, депутат парламента Грузии Ладос Божадзе и другие. Выступление Яны Хварцкия было трогательным и исчерпывающим: «Я еще раз почувствовала, еще раз убедилась, как любят Виктора в Грузии. И это искренняя любовь. Спасибо всем».

А потом мы встретились с Яной, и хотя она не любит давать интервью, согласилась немного рассказать о том, как познакомилась с Виктором и как складывалась их семейная жизнь.

— Мой отец много лет занимал ответственные посты в спортивных и правительственных структурах Абхазии. Виктор был знаком и с моим отцом, и с моим братом, который работал в

Яна Хварцкия, Шалва Гоголадзе и Майя Азарашвили

Виктор Санеев с супругой в Тбилиси. 2005

МВД. А я о Санееве знала лишь из прессы и телепередач. Я училась в мединституте в Тбилиси, на каникулы и праздники приезжала домой, в Сухуми, и так вышло, что мы познакомились. Время от времени общались – и в Сухуми, и в Тбилиси. Потом я почувствовала, что он ухаживает за мной... Прошло время, мы поженились и создали семью, прочную семью. В своего рода свадебное путешествие осенью 1972 года мы поехали не так уж далеко от Сухуми – всего за 140 километров, в Сочи. Почему «своего рода»? Виктор был действующим спортсменом, я понимала, что он очень занят тренировками и турнирами. И когда через несколько дней после свадьбы он должен был ехать в Сочи на сборы легкоатлетов, я поехала вместе с ним, и эта поездка стала нашим как бы свадебным путешествием. Потом я нередко сопровождала Виктора на разные турниры и сборы, где, кстати, и ему, и команде не раз пригодилось мое знание английского языка. Но особенно это помогло нам в Австралии. Виктор тогда еще средне владел английским, и поначалу я помогала ему в об-

щении с австралийскими спортсменами, тренерами. А потом уже он овладел языком и свободно общался. В Сиднее я работала по своей специальности – врачом-психиатром, Виктор – тренером по легкой атлетике. Сандро получил в Австралии высшее образование, работает преподавателем в колледже, очень любит спорт. В декабре ему исполнится 50 лет. В прошлом году я, Сандро и моя племянница, которую зовут, между прочим, Джорджия, были на матче национальных сборных Грузии и Австралии по регби, который проходил в Сиднее. Вместе с другими проживающими в Австралии грузинами мы болели за сборную Грузии. Матч, правда, завершился победой австралийцев, но сборная Грузии сыграла очень достойно, и это отметили все.

P.S.

Виктор Санеев скончался 2 января 2022 года в Сиднее. Национальный олимпийский комитет Грузии от имени руководства страны предложил семье похоронить легендарного атлета в Тбилиси, в Дидубийском пантеоне, при этом готов был взять

на себя все расходы не только на похороны, но и на переезд семьи из Австралии в Грузию и обеспечение всех необходимых условий для их постоянного проживания в Тбилиси. Я. Хварцкия прислала письменную благодарность за это предложение, отметив, что по решению семьи Виктор Санеев будет похоронен в Австралии.

«ОБИТЕЛЬ МОЯ РАЗРУШАЕТСЯ. ИДИ И ВОССТАНОВИ ЕЕ!»

■ **Инна БЕЗИРГАНОВА**

Социально-политические реалии врываются сегодня на театральную сцену, что, наверное, вполне естественно, учитывая критическую ситуацию в мире и чрезмерную политизированность общества. Это нашло отражение в спектаклях, представленных на Тбилисском международном театральном фестивале-2025. Они заставляют размышлять о судьбах человечества в сложнейший период истории. Речь идет не только о разных путях общественного развития, но и о проблемах выживания в нашем общем Доме на планете Земля – в Доме, одержимом ненавистью и враждой. И тут вспоминается история святого Франциска, однажды во время молитвы услышавшего голос Бога. Господь сказал: «Франциск, разве ты не видишь, что обитель моя разрушается? Иди и восстанови ее».

ВЫЖЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ ИТТАЯ ТИРАНА

Фестиваль открыла знаменитая труппа из Израиля – театр «Гешер», показавший шекспи-

ровского «Ричарда III». Циничного узурпатора сыграла ученица Анатолия Васильева и Анатолия Эфроса, актриса театра и кино Евгения Додина. Когда режиссер Иттай Тиран только выпустил «Ричарда» – это было в 2023-м, спектакль стал отражением сложной ситуации вокруг Израиля (7 октября произошло вторжение ХАМАС в страну). В наши дни он прочитался, скорее, как некое обобщение – как яростный протест против тирании, зла в масштабном, всеохватном понимании этого слова. И это прочтение остро современно – начиная с вертящихся над сценой вентиляторов, рождающих тревожное чувство на протяжении всего спектакля и в финале превращающихся в такие «популярные» и пугающие дроны, и заканчивая абсолютно сегодняшними, особо жесткими, изощренными проявлениями насилия.

Хоровое пение, по традиции сопровождавшее религиозные обряды древних израильтян, и национальная хореография придают происходящему в спектакле мистериальность древнегре-

ческой трагедии, хотя на самом деле мы видим на сцене хоровод с еврейской хорой (хора – еврейский народный танец). Белый фон минималистического оформления (сценография Eran Atzmon) рождает разные ассоциации – в том числе со смертью. Все актеры, независимо от пола, одеты в костюмы, выполненные в черно-белой гамме (художник по костюмам Judith Aharon). Тем самым подчеркивается, что гендерные различия в нашем мире уже не имеют прежнего значения. Ведь зло, по сути, бесполо! И оно многолико, постоянно мимикрирует и, как правило, прикрывается пышными словесами о воле народа. Воцарившись, упоенный властью Ричард не довольствуется обычным стулом и взбирается на вершину лестницы, где и устанавливает свой трон. На стене, как на огромном белом полотне, выводится: Ричард – король! На него же, с началом цепочки зверских убийств, проецируется лик мученика Христа, а крест сначала переворачивается, а затем – просто падает наземь. Апофеоз мимикрии зла – лживая

«Ричард III»

проповедь Ричарда перед толпой (в этом качестве поневоле выступают зрители), когда изверг предстает в образе праведника-священнослужителя, умасливая сознание людей сладкими обещаниями.

Страшна в спектакле невозмутимость киллеров – исполнителей чужой злой воли! Один из таких послушных убийц тирана Ричарда расправляется со своими жертвами аккуратно, без малейших эмоций и суеты. Распространенное сегодня выражение: ничего личного – бизнес! По спине пробегает холодок, когда наблюдаешь за действиями палача, тщательно подготавливающего место расправы над очередной жертвой: он раскладывает на полу полиэтилен для заворачивания трупов и свой смертельный инструмент, а в другой сцене деловито выносит бензопилу для отрезания голов. Ужасает двойное убийство близнецов – племянников Ричарда: на сцену выкатывают тележку с их телами, накрепко примотанными друг к другу с помощью сугубо современного материала – упаковочного скотча. Но в какой-то момент, когда зло уже перешло все мыслимые и немыслимые

границы (а где, собственно, проходит эта черта, этот Рубикон?), даже в этом безжалостном и до поры до времени бесстрастном и отлаженном механизме убийства происходит замыкание.

Израильтяне поставили спектакль о разрушительности зла. Оно не только выжигает все вокруг, – зло аннигилирует самого носителя темного начала. Во втором действии сцена черна, словно покрыта золой, пеплом, – это выжженная земля! И после того, как «вентиляторы» – БПЛА атакуют и убивают Ричарда, пространство очищают от золы, и в нее закапывают труп коронованного преступника.

Интересен еще один момент – Иттай Тиран пытается докопаться до истоков превращения Ричарда III в демона. В одной из сцен он появляется, сидя на игрушечной лошадке. Корни зла – в детстве, ведь будущий серийный убийца был нелюбимым ребенком.

Евгения Додина показывает нам Ричарда человеком талантливым, обладающим незаурядным, изворотливым умом, огромной харизмой и железной хваткой. Сильный, крепкий голос и яркий темперамент актрисы просто созданы для образа Ри-

чарда III, для лживо-демагогических, но очень убедительных речей своего антигероя.

ДОМ, КОТОРЫЙ ПОСТРОИЛ И РАЗРУШИЛ КАРАНТЗАС

Еще одно остроактуальное высказывание тбилисского фестиваля – притча «The House» Димитриса Карантзаса (Onassis Stegi, Греция). И оно потрясло. Действие развивается неторопливо (я бы сравнила это с развитием темы «Болеро» Мориса Равеля). Но в самом этом неторопливом течении – неотвратимость. Вначале мы наблюдаем тихую, безмятежную жизнь обычной семейной пары в обычной городской квартире (сценография Клио Боботи). Слышим звуки сантехники и работающей стиральной машины. Женщина сидит за письменным столом, листая журнал. В центре стены – большое окно, за которым открывается вид на улицу: угол соседнего здания, тротуар, мелькают прохожие, то поднимаются, то опускаются ставни в подвале дома напротив. От этой мирной картинки становится, тем не менее, не по себе, нарастает безотчетное чувство тревоги. За окном вдруг начинают происходить

«The House»

какие-то странности: пробегают тени, появляются и исчезают люди, собака передвигается задом наперед, переворачивается, смещается, искажается изображение. За этими первыми симптомами деформации, а затем и разрушения мира, следует погружение реальности в жуткий кошмар и хаос. Потоки воды уносят обломки зданий. На «экране» окна появляются сцены насилия, стихийных бедствий, массовой гибели людей, мелькают лица политических лидеров прошлого и настоящего. Поначалу этот ужас как будто не касается обитателей дома — они лишь молчаливые свидетели происходящего и наблюдают за крушением мира из окна своей квартиры, продолжая заниматься обычными делами. Однако формула «Мой дом — моя крепость» оказывается несостоятельной: вскоре тотальное бедствие проникает и в это мирное жилище, разрушая его изнутри. Мужчина и женщина произносят эмоциональные монологи. Уже на трех экранах разворачивается хроникальная апокалиптическая панорама (видео — Гели Калампака). В финале зрители видят разрушенную декорацию — обломки мира. Появляются какие-то молодые люди и равнодушно, как посторонние, ходят среди развалин. Эта странная безучастность не менее страшна, чем сама катастрофа. И публика долго еще слышит назойливое, сверлящее мозг, лязганье металла.

СНОВА — ДОМ. «МАНА» НОА ВЕРТХАЙМ

Может быть, спасение — внутри нас? О Доме как внутреннем пространстве каждого, пространстве нашего подсознания поставила свой пластический спектакль «Мана» руководитель танцевальной группы «Vertigo», израильский хореограф Ноа Вертхайм. Она создала десятки произведений, придумала новый стиль танца и разработала свой оригинальный язык хореографии, соединяющий контактную импровизацию, движения балета и китайский цигун.

Труппа «Vertigo» показала в Тбилиси обновленную версию спектакля «Мана». «Мана» — казалистический термин, означающий «сосуд света». Но это еще и инструмент творчества художника, инструмент, который является посредником между абстрактной мудростью, вдохновением, просветлением — и физическим актом. Внутри каждого из нас есть этот свет, поэтому вдохновение иногда можно найти, прислушиваясь к самому себе», — говорит Ноа Вертхайм.

Зрители были заморожены магией танца «Vertigo» и не могли оторвать взгляд от сцены на протяжении часового представления, среди них и автор этих строк. В спектакле было все необычно, эффектно, стильно — и уникальная лексика танца, и гипнотизирующая музыка Рэна Багно, и свежий дизайн, эксклюзив-

ный крой костюмов модельера Kedem Sasson, и емкая сценография Zohar Shoef, и световые решения Dani Fishof Magenta. Экстравагантная стилистика длинных, летящих многослойных костюмов-платьев черного цвета (почему-то вспомнились костюмы танцующих дервишей, балахоны буддистских монахов), в которые были одеты как мужчины, так и женщины, органично соединилась с хореографическими изысками и полетами Ноа Вертхайм. Язык тела танцовщиков, моментами кажущихся невесомыми, выражает духовный мир человека — его чувства, мысли, искания, стремления. На заднем плане — условное изображение — метафора Дома. Свет буквально пронизывает в спектакле «Мана» как этот Дом, так и участников представления.

Название «Vertigo» не случайно. В 2009 году Ноа Вертхайм вместе с мужем Ади Шаалем создала в кибуце Нетив ха-Ламед-Хей экологическую арт-деревню с таким же названием. Выдающийся артист Михаил Барышников назвал ансамбль «Vertigo» одной из самых интересных танцевальных компаний, работающих сегодня в Израиле. Именно поэтому труппа выступала на сцене знаменитого Центра искусств Барышникова в Нью-Йорке.

НА «БЕЛОМ ВЕРТОЛЕТЕ» ХЕРМАНИСА

Михаил Барышников, уже не в первый раз, также был представлен на фестивале в Тбилиси. Правда, не на сцене, а на киноэкране, в фильме-спектакле Алвиса Херманиса «Белый вертолет» (вначале режиссер поставил на сцене Нового Рижского театра именно спектакль и лишь потом решил запечатлеть свое творение на пленку). Зрители помнят моноспектакль «Бродский / Барышников», поставленный этим режиссером, — он тоже был участником фестиваля — тогда мы слушали стихи поэта Бродского в живом исполнении универсального артиста.

А сейчас мы получили уникальную возможность оценить Барышникова — как киноактера и Херманиса — как кинорежиссера. Сразу отмечу, что разочарования не было. Крупные планы Барышникова, отражающие глубину его

«Белый вертолет»

погружения во внутренний мир своего героя, убедили в том, что он владеет отнюдь не только своим физическим телом. Тем более, что персонаж, которого ему пришлось сыграть, — личность загадочная: папа Римский Бенедикт XVI. Он стал первым папой, добровольно ушедшим со своего поста за последние шесть столетий. Чтобы хоть чуть-чуть приоткрыть завесу тайны его отречения (официальная версия — состояние здоровья), режиссер-аналитик Алвис Херманис провел настоящее расследование и пришел к выводу, что возможных причин может быть не менее 17. Истина нам открывается в том, как именно проживает Михаил Барышников историю своего героя. Артист дает нам понять и почувствовать, что папское служение Бенедикта XVI, включающее в себя высшую исполнительную власть в церкви, стало его тяготить. Но связано это не только с глобальным кризисом европейской цивилизации и нежеланием понтифика участвовать в «суеде сует» — в новых процессах, неотвратимо внедряющихся в жизнь, но, прежде всего, с природой самого папы Римского (настоящее имя — Йозеф Алоиз Ратцингер). Это был ученый-теолог, книжник, человек с высокоразвитым интеллектом, больше всего ценящий свободу и возможность заниматься своими научными изысканиями. Верто-

лет, на котором в конце концов улетел Бенедикт XVI, — это и есть олицетворение свободы. Папское облачение для него — сковывающие цепи. Мы наблюдаем за Бенедиктом, когда его одевают в папские одежды. Он выглядит старым и немощным. Но как меняется Ратцингер, когда после отречения скидывает с себя сутану и другие детали папского облачения, надевает обычный, светский костюм и, став простым смертным, стремительно покидает папскую резиденцию. В эти минуты он отнюдь не старик, а вполне еще дееспособный, целеустремленный мужчина с молодым духом. В фильм включены хореографические вставки — Барышников на языке тела выражает внутренние противоречия духовной жизни своего героя. И это обогащает непостижимый образ понтифика, созданный талантливым артистом.

В фильме выдержан принцип трех единств — единство места, времени и действия. Все построено на живых, увлекательнейших диалогах Бенедикта XVI и его продвинутого секретаря, которого сыграл латышский актер Каспарс Знотиньш (роль помощницы Табианы исполнила Гуна Зарыня). Интеллектуал Алвис Германис собрал богатый материал по вопросам философии, теологии и политики. Так, Бенедикт XVI говорит о том, что у христиан

теперь осталось только три пути: 1. Идти на диалог со всем новым, что входит в наш яростный мир. 2. Встать на агрессивный путь и всеми силами защищать христианские ценности. 3. Уйти в сторону, в уединение, отойти от наносного, что есть в современном христианском мире, и ждать рождения нового мира. Получается, Ратцингер выбрал третий путь.

НА УЛИЦЕ С БЛЭКСТОКОМ

На первый взгляд, неожиданным было участие в фестивале молодежного хип-хоп представления «TRAPLORD» Ивана Майкла Блэкстока (Великобритания). Но это лишь на первый взгляд. «TRAPLORD» — новаторский мультимедийный танцевальный перформанс, затрагивающий глубокие темы жизни, смерти и возрождения. Спектакль, удостоенный одной из престижных театральных наград Великобритании — премии «Оливье», приглашает зрителей в преобразующее путешествие между мечтой и реальностью. Спектакль, созданный под влиянием уличной и интернет-культуры, использует грубый и конфронтационный стиль танца, движения и устной речи. Цель — исследование сложных тем: от полицейского произвола и бандитизма до трансформации, самореализации, психологической устойчивости и духовности че-

«Сумасшедший»

ловека. Агрессивная стилистика представления – вызов современному миру, построенному на дискриминации слабого и праве сильного. Поэтому «TRAPLORD» – это торжество маскулинности. В жестком и жестоком мире ты должен быть способным защитить себя и свои интересы.

ПОПРИЩИН – ПРЕДТЕЧА СОВРЕМЕННЫХ ДИКТАТОРОВ? ВЕРСИЯ КОРШУНОВАСА

Иногда чрезмерному увлечению политическими параллелями приносится в жертву художественность. В рамках II Тбилисского международного фестиваля камерных и моноспектаклей «Тбилисские гранаты» был представлен моноспектакль Оскараса Коршуноваса «Сумасшедший» по повести Николая Гоголя «Записки сумасшедшего». В роли Поприщина выступил молодой актер Эймантас Пакалка – технически оснащенный, внутренне подвижный и пластичный. С первых же минут спектакля гоголевский чиновник проявляет себя как настоящий сумасшедший (корчит гримасы, исполняет безумный танец и т.п.) – сомнения в том, безумец ли Поприщин, отпадают сразу. Трагедия этого неоднозначного персонажа трактуется режиссером и исполнителем только лишь как результат его невероятных, наполеоновских амбиций. Уже первое появление Поприщина – Па-

калки на сцене свидетельствует именно об этом. Актер из всех сил надувает щеки, грудь, и создается полная иллюзия бесконечного раздувания шара – вплоть до взрыва! Произносятся первые реплики чиновника, он особенно акцентирует местоимение «Я». Драма «маленького человека», пережившего крах своих иллюзий, подменяется историей честолюбивого безумца, жаждущего власти. Отсюда возникают аллюзии с тиранами, охваченными безудержным стремлением к мировому господству: Пакалка выходит на авансцену в фашистской униформе, что подкрепляется соответствующей видеохроникой...

При этом в спектакле есть интересные режиссерские находки. Так, на сцене – кроме экрана, отражающего в основном процесс развития психического заболевания Поприщина – находится небольшая стремянка. По ней герой пытается взобраться

ВЕЧНЫЕ ЦЕННОСТИ. «ИСПОВЕДЬ. Я – СЕРГЕЙ ПАРАДЖАНОВ». ГОГИЯ.

Как бы в противовес дисгармонии мира, создатели ностальгического спектакля «Исповедь. Я – Сергей Параджанов», также показанного в рамках фестиваля «Тбилисские гранаты», вернули нас к вечным, нетленным ценностям – красоте, любви, дружбе, семье. К потерянному раю. Режиссер спектакля – Ираклий Гогия. Художник – Ирэна Оганджанова. В основе постановки – так и нереализованный сценарий Сергея Параджанова, в котором он вспоминает свое детство. Чувствуя приближение смерти, уже тяжело больной режиссер писал: «Я должен вернуться в детство, чтобы умереть в нем». Вместе с Параджановым и создателями спектакля мы возвращаемся в прошлое, в детство «самого свободного человека самой не-свободной страны» (Б. Ахмадулина), в неповторимую и невоз-

«Мама»

на Олимп, и в какой-то момент она превращается в трон испанского короля, которым, как известно, он себя воображает. А в финале, когда создатели спектакля возвращаются к сути гоголевского произведения, стремянка становится домиком, в котором несчастный титулярный советник пытается спрятаться от злого мира. «Мама, мама, мама!» – всхлипывает Поприщин, по логике Коршуноваса, наказанный за чрезмерную амбициозность.

вратимую атмосферу старого Тифлиса – Тбилиси. Ираклий Гогия поставил очень красивый поэтический спектакль, воссоздав вместе с Ирэной Оганджановой стилистику фильмов режиссера. И зритель растворился в высокой печали, которой пронизан спектакль. В нем сильны мотивы смерти, и тем не менее мы, зрители, наполняемся светом, надеждой, верой в лучшее.

«Охота на крыс»

ВОЗМОЖНОСТЬ ВСЕ ОТРИНУТЬ И ВЗЛЕТЕТЬ

■ **Нина МАЗУР**

Конечно, не случайно организаторы Международного фестиваля камерных и моноспектаклей – театр им. С. Ахметели во главе с Ираклием Гогия – назвали свое детище «Тбилисские гранаты». Красный цвет граната с древних времен ассоциировался с сердцем, кровью; он считался мистическим плодом, побуждающим человеческий дух к отваге, к полету.

И определенно не случайно спектаклем, открывающим фестиваль, стала «Исповедь. Я – Сергей Параджанов». Вспомним потрясающий фильм «Цвет граната», истекающие алым соком плоды граната на белоснежном холсте... Мудрец и дитя, как и надлежит гению, Параджанов творил собственные

загадочные миры с таинственной легкостью. Кажется, фраза «невыносимая легкость бытия» сказана о нем, и тут каждое слово – правда.

Изысканное, завораживающее зрелище создала труппа Театра им. Ахметели. Тонкая режиссура Ираклия Гогия, невероятно изобретательная сценография Ирэны Оганджановой (выставка ее работ в фойе театра, посвященная Параджанову, уже перед спектаклем словно вводит нас в его мир), хореографическая «живопись» Екатерины Незвановой, – все служит единой цели: погрузить зрителей в океан творческой фантазии великого мастера. Мистические образы, открытые для свободного истолкования,

сны о жизни и смерти, грезы о красоте и гармонии... И, конечно, сам Параджанов, чей образ с максимальной самоотдачей воплотил Георгий Гасвиани...

Особое место в фестивальной программе занял моноспектакль испанского актера Хосе Антонио Лусия Касадемуна «Скорпион, или Церемония» (постановка Р. Подольски, Аргентина). Предельная аутентичность исполнения приводит нас в мир испанских таверн, где собираются исполнители фламенко – особая каста, в которой у каждого танцора есть сценическое имя. Танцовщица по имени Скорпион убита из ревности, – что ж, такой выход из любовного треугольника не редкость. И тот, кто любил ее и никогда не поднял бы на нее руку, пытается рассказать нам, как прекрасна она была. Рассказать и показать... Обреченная и глубоко трогаящая попытка... Тот, кто видел глаза актера в этой роли, слышал его голос, уже никогда этого не забудет.

Тема войны, увы, актуальная в наши дни, прозвучала в израильском спектакле «Домашний фронт» по пьесе Шерон Старк и Рути Боденштейн (постановка Шерон Старк), где эта тема увидена глазами пожилой супружеской пары (Шири Гадни и Юрий

«Хеди. Жизнь и изобретения Хеди Ламарр»

«497»

Казанцев). Война врывается в их размеренную, неспешную жизнь и разрушает ее. Спектакль решен в почти абсурдистской стилистике, и комические эпизоды не вызывают улыбку, — слишком понятно, чем это кончится. «Предназначенное расставание обещает встречу впереди», — в другом мире, где все молоды и счастливы...

Два хореографических спектакля стоят особняком в фестивальной программе.

Румыно-венгерская копродукция «497» — четверо танцоров под руководством Тамаша Фаркаша — посвящена реальному событию начала 20-го века. Тогда румынская группа выиграла шанс пройти пешком вокруг света и получить приз: сто тысяч франков. Парни шли 10 лет, в национальных румынских костюмах, и сносили 497 пар национальной обуви. Только один из них смог дойти до финала, но к тому времени инфляция «съела» большую часть приза. Драматизм истории усилен в спектакле аналогиями с нашим временем и жесткими политическими аллюзиями.

Знаменитый хореограф, соратник Пины Бауш, Райнер Бэр (Германия) представил на

фестивале спектакль «Поле. Утренняя леди», в котором, кроме него, участвуют две молодые украинские исполнительницы: танцовщица Галина Щупак и флейтистка Ярослава Саенко (последняя обладает также хорошим вокалом). Выразительные пластические образы спектакля полны драматизма; в них отчетливо прослеживается тема потерянной родины и неприкаянности человека в мире войн и равнодушия. Ностальгические воспоминания, нежный девичий голос, поющий старинную колыбельную, звук флейты...

Американка Хизер Месси привезла на фестиваль моноспектакль «Хеди», который практически выполняет культуртрегерскую задачу: напомнить потомкам о голливудской красавице-актрисе Хеди Ламарр, которая в годы Второй мировой войны изобрела беспроводную связь, совершив, в сущности, технологическую революцию. Жизнь и судьба Хеди, представленная средствами интерактивного шоу, нашла своих заинтересованных зрителей.

Пьеса Петера Туррини «Охота на крыс», многократно поставленная различными театральными труппами, нашла

«Исповедь. Я — Сергей Параджанов»

новую жизнь в постановке Театра им. Ахметели (Тбилиси). Режиссер Ираклий Гогия внес в мрачную ткань пьесы, действие которой происходит на свалке, слабый луч надежды. Если выбросить все, что имеешь: деньги, документы, вещи, одежду, то остается ли что-то? Туррини говорит — нет; мы живем на свалке людских иллюзий. Театр устали актеров Георгия Цхададзе и Марики Квачадзе утверждает — да. Есть нечто, что кроется в самой человеческой душе. Возможность полета? Быть может.

Прислушаемся к осеннему Тбилиси. Слышите это многоголосие, зовущее в полет? Над рекой, над горами, наискосок и вверх, вверх...

Свою знаменитую книгу «Головинский проспект» Владимир Головин завершил словами о тбилисцах прошлых времен: «И кем бы ни были эти люди – князьями или каменщиками, военачальниками или фотографами, губернаторами или учеными, поэтами, промышленниками, художниками, политиками – они жили, работали, страдали, любили в Тифлисе-Тбилиси. Они заложили в своих детях те самые традиции чести, доброты, трудолюбия и верности, которые стали главными ценностями нашего города. А мы все гадаем: откуда эта удивительная мозаика добрососедства, тепла, юмора, мудрости? Да все оттуда – из тбилисских семей!.. И когда вглядываешься в эти лица, вот так, глаза в глаза, стыдно чего-то бояться, впадать в уныние, совершать что-то неблагоприятное. Потому что понимаешь, кто стоит за тобой. Это – наш золотой запас. И чем труднее дорога, тем он дороже. Потому что в нем все – истинное. А еще потому, что этот золотой запас никому у нас не украсть и не отобрать».

И вот теперь он сам пристально смотрит на нас – глаза в глаза. Словно спрашивает: приняли ли мы от него эстафетную палочку «добрососедства, тепла, юмора, мудрости»? Приняли или нет?

Владимир Головин теперь – наш золотой запас.

И не дай нам Бог устыдиться под его взглядом – веселым и серьезным, понимающим и требовательным.

Мы постараемся, Вова. Мы постараемся.

75

Наталья Словинская

ВГЛЯДЫВАЯСЬ В КРАСОТУ

■ Анастасия ХАТИАШВИЛИ

В ее картинах – солнце и очарование грузинских пейзажей, лица, будто сотканные из света, и символы, в которых угадывается вечное. Наталья Словинская живет и творит в Тбилиси, городе, где древность соседствует с вдохновением. Ее полотна узнаешь сразу – у Натальи свой почерк, свой взгляд, свой стиль. А артистизм, редкое чувство гармонии, поразительную способность видеть божественное в повседневном Наталья во многом унаследовала от семьи – славной творческой династии Басилашвили.

К нашей радости, на беседу она согласилась легко, и мы поговорили – о детстве среди кистей и холстов, о мастерах-кумирах и о том, почему каждая новая картина для нее – это исповедь души.

– Наталья, как вы пришли в искусство, когда впервые поняли, что хотите стать художницей?

– Я росла в органичной для будущего художника среде. Моя бабушка, Ирина Николаевна Басилашвили, была художником, членом Союза художников, ее работы можно увидеть в музее Грузии. С самого детства – запах краски и бабушка за работой. Все это очень мне нравилось. Бабушка ставила мне натюрморты, наблюдала за моей работой, давала возможность писать акварелью, пробовать писать маслом на полотне. К окончанию школы я приняла решение о выборе профессии.

– У кого вы учились? Кто те наставники, которые повлияли на творчество?

– Первый учитель, конечно, бабушка. Потом художественная школа (что на улице Долидзе), затем художественное училище имени Якова Николадзе и, наконец, Академия художеств. Любимые учителя – Михаил Габуния в училище Николадзе, а в академии – Дмитрий Хахуашвили, Зураб Нижарадзе, Эдмунд Каландадзе. Всем очень благодарна, каждый из них очень многое мне дал. До сих пор пользуюсь их рекомендациями и наставлениями.

– Помните вашу первую выставку? Какие были ощущения?

– Моя первая групповая вы-

ставка была в 1991 году, в Доме журналиста. Нас было трое художников. Помню открытие – шумное и веселое. Пришли учителя, однокурсники. А первая персональная выставка была в Москве, в галерее «АСТИ» на Тверской. Вообще, выставки дают художнику возможность увидеть себя со стороны чужими, «новыми» глазами. А это всегда полезно.

– Ваши картины очень яркие, наполненные сказочностью и символами. Откуда черпаете вдохновение?

– «Каждый пишет, как он дышит», – говорил Булат Окуджава. «Ты коснулся меня, и я за-

древний город со сложной густой фактурой, с тревожным небом и бегущими быстрыми облаками во время ветреной погоды, Метехи, конная статуя Вахтанга Горгасали и зеленый изгиб быстрой Куры, Нарикала, моя улица, Верийский сад и еще много чего другого... Конечно, все это влияло и формировало меня. А как же иначе?!

– Есть ли у вас кумиры, мастера, на которых вы равнялись?

– Люблю Андрея Рублева, Леонардо, Микеланджело, Рафаэля. Их работы наполнены высшим смыслом, высшей гармонией. Еще люблю Ван Гога, Сезанна, Модильяни, Вермеера

начинается работа?

– Есть кое-что. После утренней прогулки с собакой поднимаюсь в мастерскую и работаю, пока не стемнеет. Музыка во время работы помогает настраиваться и сосредотачиваться – вроде камертона.

– А влияет ли на ваши работы грузинская культура – пейзажи, традиции, народное искусство?

– Конечно. Яркая природа, солнце, наша многоцветная живопись, теплая палитра, экспрессивность, замечательные пейзажи – такие разнообразные в разных уголках страны, красота храмов и фресок...

– Вы – родственница знаме-

горелся о мире твоём», – это слова Блаженного Августина. Вот этот мир и хочется как-то запечатлеть. Отсюда и вдохновение. Вглядываясь в красоту, целесообразность, многообразие, величие окружающего мира – природы, животного мира и венца создания – человека, я не могу не исповедовать творца. Вдунутая творцом в человека бессмертная душа – это еще и дар сотворчества. Ведь в стихии, зарождающейся из красок на холсте, есть что-то от сотворения мира.

– Что для вас значит Тбилиси? Можно ли сказать, что город влияет на ваше творчество?

– Город, в котором родилась, в котором прожила всю жизнь,

и Боттичелли.

– А как вы сами определяете свой художественный стиль?

– Затрудняюсь ответить. Наверное, это дело критиков – определять стиль. Но кто-то когда-то назвал мои картины экспрессивным реализмом. Возможно, так и есть. Не знаю.

– Что для вас значит живопись? Это профессия, предназначение или, возможно, способ терапии и самовыражения?

– «А мне удел от бога дан», как писал Высоцкий. И профессия, и образ жизни. Дни, когда не работаю, кажутся скучными и пустыми.

– Как проходит ваш обычный день художника? Есть ли у вас особые ритуалы, без которых не

нито Олега Басилашвили. Насколько важно для вас это родство и отражается ли оно на вашем восприятии искусства и творчества?

– Олег Валерианович – двоюродный брат моей мамы. Это родство для меня очень важно. Теплое общение с детства во многом способствовало формированию моей души и характера. Никогда не забуду, как в юности гостила у дяди в Петербурге и в БДТ посмотрела «Дядю Ваню» с Олегом Валериановичем в главной роли. Это было потрясение! Я вышла из театра вся в слезах. Наверное, благодаря таким впечатлениям и формируется душа. Он прекрасно разбирается в живописи.

си и сам рисует. Вообще с ним очень интересно беседовать обо всем. Наверное, одно из лучших воспоминаний юности – это беседы с Олегом Валериановичем и его супругой Галиной Евгеньевной на даче. Вспоминаю эти дни с любовью и благодарностью.

– *Какая из ваших картин для вас самая личная и почему?*

– Каждая последняя. Потому что она – последняя.

– *Бывает ли, что зрители по-разному трактуют ваши картины, и удивляют ли вас их интерпретации?*

– Да. Когда-то меня очень удивил комментарий в статье одной женщины-критика о том, что мои картины музыкальны.

него мира, маленькая вселенная, еще одна повесть о жизни, одна из многих историй. Повторю: «Ты коснулся меня, и я загорелся о мире твоём».

– *Есть ли у вас мечта или цель – выставка, проект или, может быть, сотрудничество, которое вы хотели бы осуществить?*

– Писать, пока жива. А выставка – это, конечно, всегда хорошо. Это завершение какого-то этапа и, может быть, начало нового.

– *А как вы относитесь к современному искусству – концептуальному, цифровому, экспериментальному? Близко ли вам то, что сегодня называют «новыми формами»?*

– Когда пройдет время, останет-

Я ведь об этом и не думала. И меня, помню, это приятно удивило.

– *О чем вам хочется писать больше всего – о людях, о природе, о фантазиях?*

– События жизни и души сами подсказывают тему будущей картины. Пейзажи – красота природы, соответствующая настроению. Натюрморт – через предметы и антураж передается внутренний мир человека, его взгляд на мир. Сам человек – его внутренняя гармония, каждое лицо, его глаза, черты – уникальны. Весь его облик – это хранилище огромного внутрен-

ся то, что должно остаться. Конечно, надо искать новые пути, новые средства самовыражения. Но смыслы, как мне кажется, всегда остаются прежними.

– *Что, по-вашему, самое главное сегодня для художника – говорить о мире, о человеке, о вере, о красоте?*

– Говорить художнику надо о том, что ему самому интересно и дорого. Тогда и другим это тоже будет интересно. Но форма исполнения должна быть профессиональной, высокохудожественной. Иначе это будет профанацией. Надо, чтобы эта форма была достойна содержа-

ния и не искажала, не портила бы его. Для этого нужна большая работа.

– *Какие чувства зрители должны испытывать, смотря на ваши картины – как бы вам хотелось?*

– Радость. А вообще... «Нам не дано предугадать, как наше слово отзовется, и нам сочувствие дается, как нам дается благодать».

– *Последний вопрос. Каково это – иметь двоих очень талантливых детей?*

– Дочь – журналист, сын – музыкант. Я многому учусь у них.

Светлана Савицкая

ДАВАЙТЕ БЫТЬ ПАТРИОТАМИ НАШЕЙ ПЛАНЕТЫ

■ Рубен ПАШИНЯН

В Центральном доме литераторов в Москве состоялась юбилейная XX церемония награждения лауреатов Российской национальной литературной премии «Золотое перо Руси – 2025». Жюри, как всегда, получило огромное количество заявок от сотен авторов, по-прежнему верящих, что слово может менять реальность.

На наши вопросы согласилась ответить Светлана Савицкая, основатель и президент Содружества литературных сообществ «Золотое перо Руси», писатель, журналист, бард, художник и изобретатель.

– *Какие моменты за 20 лет «Золотого пера Руси» были самыми яркими? Что вспоминается в первую очередь?*

– Каждый год яркое по-своему. Нам невероятно повезло: что бы ни изменялось вокруг, как бы ни опускались руки, к нам сте-

каются лучшие произведения. Ведь человеку на нашей планете каждый день нужна сказка – не просто новая, а талантливая. И люди готовы отдавать за нее самое дорогое, что у них есть, они читают журналы, заходят в интернет, ищут писателя. А нам не нужно искать. Мы объявляем конкурс – и самые талантливые авторы, сказочники, прозаики, ученые, юмористы присылают нам свои лучшие работы. К нам приходят сердца и души, пропущенные через интеллект, через мудрость прожитых лет. Мы берем лучшее из лучшего, а потом еще раз просеиваем, чтобы найти то самое «зерно». 15 сентября принимаем последние работы – и начинается большой, честный отбор. И уже из лучших произведений отбираются те, что становятся настоящими открытиями.

– *Вы умудряетесь за одним столом собирать представителей*

даже тех республик, которые сегодня находятся в конфронтации, объединять их на общем литературном и культурном основании.

– У творчества нет национальности. Есть люди, которых, как говорится, поцеловал Бог, – они находятся над системой. Именно в этом пространстве живет и сверкает творчество. Мы прекрасно понимаем Марка Твена, Редьярда Киплинга, любим Хемингуэя, но с тем же чувством читаем и Владимира Москаленко, который в этом году прислал из Курганской области свой рассказ «Первый концерт». Название простое, фамилия тоже распространенная, но как он написал! Не перестаю удивляться и радоваться, как талантливые люди умеют искренне восхищаться друг другом. Ведь то, что для одних – потолок, для других – только пол. И вот эти люди – победители конкурса – стоят выше соревнования. Среди них нет первых, они все равны. И общаются они между собой на равных, получая от этого такое же удовольствие, какое получаем и мы.

– *Как часто у Светланы Савицкой сталкиваются две ипостаси – писательская и организаторская, и возникает ли из этого столкновения конфликт?*

– Никогда. У человека две половины мозга: одна отвечает за творчество, другая – за технические процессы. Когда у меня работает одна – вторая автоматически отключается. Я не могу писать, если занята организационными делами, это отдельный режим. Обычно месяц в году у меня уходит на «Золотое перо» – организационные хлопоты, подготовка, расчеты, церемония, бесконечные счета, включая кредитные письма, которые, кажется, прилетают чаще, чем человеческие. Но остальные одиннадцать месяцев во мне доминирует писатель. Он ходит с блокнотом, с фотоаппаратом, записывает, наблюдает и может годами вынашивать одну строчку. Когда Марка Твена попросили написать рекламный текст на полстраницы, он справился за час. Заказчик посчитал, что требовать такие деньги за час работы – наглость, и подал в суд. Судья спросил Твена:

Светлана Савицкая и Рубен Пашинян

«Сколько вы работали над этим текстом?» – «Один час. И всю жизнь». Вот поэтому во мне нет конфликта: организатор выполняет программу, а писатель живет всегда. И организация, в конечном счете, тоже превращается в творчество.

– *Какое из ваших последних произведений для вас особенно важно?*

– У меня нет последних или первых. Как с пальцами на руке: любой укуси – и будет одинаково больно. В процессе работы я много раз перечитываю свои произведения, особенно аналитические и военно-исторические романы. Например, роман «Свет отражающий» – два тома, 1400 страниц, основанных на архивных материалах эпохи Камчатских экспедиций. Там 150 глав, и чтобы не запутаться в датах, географии и биографиях, я буквально фиксирую: какой год, где герой, сколько ему лет, что происходит у Меньшикова, у Чирикова и так далее. Это огромная системная работа, и ради нее, как я уже говорила, «отключается» половина мозга – техническая. Есть роман «Балканы» – о русско-турецкой войне, о том, как русские освободили Балканы от 500-летнего османского рабства. Его перевели на множество языков. Но главное произведение моей жизни – «Назови имя Бога». Первая часть вышла в 2009-м, вторая – в 2014-м, третья – в 2020-м, четвертая – в 2024-м.

Там есть срез богов Индии, Мексики, славянского пантеона, турецкой мифологии, есть марсианская цивилизация, венерианская и неожиданный финал: человечество спасается, становясь богами для другой планеты. У романа 16 переизданий, его издали в Китае, Турции, Индии, Германии. Россия же пока его не принимает: издательства «держат коридор» только для раскрученных». Но моя цель – экранизация. 20 лет этот вопрос не решается, но я продолжаю идти к этому. Сейчас в работе – пьеса и 12-томник переводов моих стихов на 40 языков. Первый том – русско-арабский, второй – русско-немецкий и так далее. Два заключительных тома – нотные: на мои стихи написано около ста песен и арий, уже есть аранжировки и полный нотный материал.

– *В последние годы все чаще с тревогой говорят о цифровизации, клиповом мышлении и давлении искусственного интеллекта. Люди читают быстрее, поверхностнее. Чувствуете ли вы эту угрозу для литературы?*

– Людей, читающих по-настоящему, всегда было очень мало. В любом поколении, в любой эпохе. Даже если вспомнить школьные годы, в классе из сорока человек только двое могли написать сочинение свободно, вдохновенно, а остальные просто мучились. И даже в «читающей стране» социализма большинство не осиливали

«Войну и мир», хотя обязаны были. Сегодня парадокс в том, что читающих, как ни странно, больше. Другое дело – растет объем мусора. Что касается искусственного интеллекта – конечно, он уже пробует писать. Нам присылают тексты, созданные машинами. Это считается мгновенно: бездушно, плоско, технически. Я даже проводила эксперимент: попросила ИИ написать сказку про Ивана и Змея Горыныча. Получилась конструкция, а не история. Да, машина может пересказать, но не может выстрадать образ.

– *Но ведь искусственный интеллект развивается, совершенствуется...*

– Образность и оригинальное мышление – это исключительно человеческое состояние. Искусственный интеллект не может научить думать и чувствовать. На зеркале Мэрилин Монро было выведено помадой: «Не волноваться, а волновать». Вот этого ИИ не умеет и не научится никогда. Чтобы создать одну фразу, как у Марка Твена, нужно прожить годы – через боль, потери, предательства, измены. Только тогда рождается слово, которое действительно заставляет волноваться. Вот такие произведения и побеждают у нас на «Золотом пере». Из тридцати тысяч текстов один становится золотым. Человек – прозаик, поэт – способен создать то, чего машина не может. Человек не просто анализирует. Он видит мир через образы. Например, Влад Исмагилов, военный, майор запаса, прислал в 2010 году рассказ. Сцена: чеченская война, солдат заходит в разрушенный дом, на полу – мертвая женщина, рядом плачет ребенок, слезы девочки каплют в открытые глаза матери, и кажется, будто мертвая женщина плачет. Сможет ли искусственный интеллект написать такое? Нет. Это нужно увидеть, прочувствовать, прожить – чтобы у читателя волосы встали дыбом. Можно говорить о сотнях тысяч погибших, но цифры не тронут сердце. А одна слеза, скатившаяся по лицу мертвой женщины, – тронет. Вот в этом и разница между человеком и машиной.

– *Как главред журнала «Арме-*

ния туристическая», не могу не вспомнить рубрику «Особенности национальной кухни», которую вы вели в нашем журнале, рассказывая об армянской кухне. Что для вас значило это общение и насколько оно потом совпало с вашим восприятием Армении?

— С удовольствием вспоминаю Армению. Остались только приятные воспоминания. От самой страны, от Гарни и Гегарда — великолепные памятники архитектуры и древности, невероятные скалы, камни, трава, бабушки, продающие свои вязаные изделия. Больше всего меня поразило уважение к пожилым людям: оно почти возведено в культ, все относятся друг к другу с почтением. Это производит потрясающее впечатление с первого дня. Все жители обращались ко мне с теплом и вниманием... Вспоминаю детский лагерь: моя подруга была армянкой, с удивительными глазами и добрым сердцем. У нее был сад, и она однажды принесла килограмм крыжовника, который мы потом съели за обедом. Когда я уезжала, подарила ей свою футболку — дефицитный, ценный тогда предмет — в память о нашей дружбе... У меня осталось очень теплое, почти сестринское чувство к Армении, искреннее и настоящее. Оно вряд ли когда-нибудь исчезнет, потому что я почувствовала щедрую душу армян: совершенно незнакомый человек готов поделиться, рассказать, показать. И это касается не только взрослых, но и юных!

— Вы никогда не бывали в Грузии. Что именно вам хотелось бы увидеть воочию?

— Я давно дружу с «Колхидской розой» («Колхетис варди») — научным и литературным обществом под руководством Елены Дорис. Мне очень хотелось бы увидеть Кахетию, места, связанные с Медеей и Золотым Руном. И, конечно, я бы с удовольствием приехала, если это будет связано с морем. Я уже несколько лет мечтаю побывать в Батуми. В Москве есть все, кроме моря. Мы живем на асфальте, а в Грузии есть живое общение с водой, воздухом, горами, Кавказом. Это не просто экзотика, это то, чего в

Москве нет.

— Наверное, во многом вы воспринимаете Грузию через поэзию и литературу?

— Это, конечно, интересно, но меня гораздо сильнее впечатляет, как грузины поют. Нет ничего более благозвучного и величественного, чем грузинский хор. Они поют с точностью и силой, и в этих вибрациях ощущается древняя традиция. Когда речь идет о хоре или о грузинском вине — это особое удовольствие. Мы все воспитаны на грузинском вине, и мне очень жаль, что в России его продается немного. Я с удовольствием приобрела бы и грузинское вино, и армянский коньяк, и французские духи, и швейцарский сыр.

— Что бы вы хотели пожелать читателям «Русского клуба»?

— Не верить чуши, которую распространяет ИИ, и не поддаваться на нагнетание национальной розни. Когда я приезжаю в Сербию и слышу: «Мы сербы, от нас пошла вся православная культура, а вы, русские, второстепенные», я понимаю, что это национализм. В Болгарии рассказывают о великих болгарских монастырях и о том, что их заслуги выше других, — это тоже национализм. В Германии мне говорят о чистоте арийской крови и принижают русских — опять национализм. Даже когда я читаю в Библии, что евреи — избранный народ, я понимаю: это национализм. Если мы перестанем величать себя великими русскими, великими татарами, великими украинцами и поймем, что мы — единый народ планеты Земля, то многое изменится. Не верьте бездушным и бессовестным «щелкоперам», как таковых писак называли Гоголь и Некрасов. Это горе не от ума, как у Грибоедова, а от того, что кто-то хочет расчленил нас и заставить делать то, что им выгодно. Верьте первоисточникам. Если вы видите информацию — не повторяйте ее слепо, проверяйте, потому что у всего есть корни. Патриотизм — это любовь к родине, к своему роду, к земле, к своей стране. Это нормально и важно. Но помимо родины есть планета Земля, и нужно понимать, что она у нас одна. Когда летишь с континента на континент за де-

вать часов, осознаешь: все мы живем на маленьком шарике, и люди не ходят вниз головой. Надо ценить то, что мы люди, беречь землю, потому что другой земли не будет. Брата не выбирают, соседа не выбирают — есть только те, кто есть. Я за то, чтобы Англия оставалась на своем пространстве, Армения — на своем, Грузия — на своем. Любить родину надо искренне, а можно заниматься этим за деньги. Быть патриотом — это любовь, заниматься патриотизмом — это деятельность, которая часто лишена искренности. Давайте будем просто патриотами нашей планеты. Это наш общий дом — планета Земля.

От редакции: Благодарим международный конкурс «Национальная литературная премия Золотое перо Руси» за внимание и высокую оценку деятельности нашего журнала — в 2025 году «Русский клуб» награжден «Серебряным пером Руси». Добавим, что ранее и главный редактор «Русского клуба», и автор этой статьи уже удостоивались высшей награды конкурса — «Золотое перо Руси».

Торжественная церемония награждения в этом году состоялась 29 октября в Москве, где прошли три творческих вечера Рубена Пашиняна: были представлены его фильм «Сынок, а где Евфрат?» и новые книги «...На все четыре стороны!» и «Мама, мне уже 50». За сборник «Мама, мне уже 50» жюри конкурса вручило автору медаль «Акула пера».

ТАЙНА СТИЛЯ

Майя Плисецкая. Последний альбом

■ Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Фото Светлана МАКОВЕЦКАЯ, Анна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Le style c'est l'homme, стиль — это человек, — сказал Жорж Луи Леклерк де Бюффон. Стиль людей той достопамятной эпохи успел измениться до неузнаваемости, но фраза жива и будет жить и после нас. Не странно ли, что мы принимаем ее как нечто очевидное?

«Стиль — это то, что принадлежит одному, а перенять хотели бы тысячи», — заметил однажды Пьер Карден. И я даже догадываюсь, о ком это было сказано великим модельером впервые. Хотя утверждать — не берусь.

Фотоальбом, который я сейчас держу в руках, — о Майе Плисецкой. В создании его я принимала участие.

В этом ноябре человечество празднует 100-летие не только великой русской балерины, талантливейшей и прекрасной женщины с ярким и непокорным характером. Мы вспоминаем, мы празднуем незабываемый и неразгаданный стиль Плисецкой. Этому была посвящена работа над альбомом, которому я, будучи редактором небольшого издательства, дала название и нашла фотохудожника, Светлану Маковецкую. Хочу рассказать вам об этой работе и о встречах с Майей Михайловной Плисецкой.

«Когда я познакомилась с Пьером Карденом и побывала на его ослепительных коллекциях, я смогла внутренне ощутить, что мода — это искусство. Полное тайн, недосказанности, волшебства — искусство.

Майя Плисецкая

«Меня часто спрашивают: «Какое место занимает Майя Плисецкая в ряду самых больших знаменитостей, которых вы одевали?» У великих нет мест по ранжиру, а если они к тому же близкие друзья, тем более. Но Майя... Она эталон безупречного вкуса, причем не только на сцене, но и в любом своем проявлении. Если пользоваться терминологией кутюрье, она — идеальная модель, ибо немедленно входит в тот образ, который должна воплотить, примеряя на себя платье, костюм, ансамбль со всеми аксессуарами. Она, если воспользоваться теперь уже театральной терминологией, — в одежде, созданной исключительно для нее, играет саму себя так органично! Когда я работал для Майи, она словно водила моей рукой, а затем уже я диктовал ей, как надо пользоваться нашим общим творением».

Пьер Карден

МИЛЛЕНИУМ

Каково это — совершенно случайно встретить Майю Плисецкую в неожиданном, незнакомом месте, лицом к лицу? Со мною это произошло. И день был совершенно особенный.

31 декабря в России — рабочий. Что никогда не мешало нормальным людям начинать праздновать Новый год задолго до полночи, на рабочих местах. Но именно вечер 1999 года милейший человек, директор Геологического музея на Моховой Дмитрий Васильевич Рундквист, отвел, чтобы дать мне интервью. Я пришла в шесть вечера, без пятнадцати семь мы с академиком простились. Огромное

здание геологического музея, как мне представлялось, совершенно уже опустело. Спускаюсь в вестибюль, в служебном гардеробе единственное пальто – мое. И тут, мимоходом, замечая объявление об открытии выставки современной скульптуры в большом зале минералогических коллекций. Не помню, что меня больше заинтересовало – современная скульптура или коллекции минералов. Но дверь в этот зал была приоткрыта, и я в нее вошла... Минералы там были в изобилии, но витрины с ними пребывали в тени. Зато современные скульптуры... В безлюдье я стала бродить среди мягко подсвеченных десятков больших и малых художественных произведений в камне и металле. В центре зала меня остановил крупный, почти в натуральную величину бронзовый бюст Майи Плисецкой на изумительной малахитовой колонне. Гордый профиль, характерный поворот головы, знаменитая шея. Отполированная до зеркальности бронза холодно блистала...

Вот тут-то и раздалась шаги и голоса у меня за спиной. Оглядываюсь. И вижу – Майю Плисецкую, живую и веселую, совершенно не бронзовую.

Никогда не забуду, каково это – впервые и вдруг окунуться в сияние ее взгляда, в улыбку, услышать голос... Нельзя

сказать, чтобы я обрадовалась, потрясение радостью назвать трудно. Первое чувство: ЭТОГО НЕ МОЖЕТ БЫТЬ.

Вначале звук шагов, потом силуэт и походка, тень на стене и чуть ощутимый аромат духов, и только после – просто и естественно обнаружились необыкновенная шея, характерный поворот головы, знаменитый профиль... Без каких-либо малахитовых колонн... И – да, главное! – сияющий взгляд прямо в тебя.

Сердце мое было мгновенно разбито. Я не тайну сообщаю и не преувеличиваю. Общеизвестный факт: Плисецкая – разбивательница сердец. И совершенно не важно – мужских ли, женских, молодых или старых...

Надо отдать ей должное: она это свое убийственное свойство знала. И увидев очередное побледневшее растерянное лицо, дарила ему в ответ такой луч понимания, что – ничего, можно было перевести дыхание и жить дальше.

Майя была не одна, Родион Щедрин, как девочку, держал ее за руку, отпускать не хотел. Во что она была одета? Скромный изящный костюм, как бы из рогожки цвета кофе с молоком... (Я еще не знала, что костюм был от Кардена, не знала, что она почти всегда одета от Кардена). За Плисецкой и Щедриным следовала небольшая свита во главе с директором, кто-то нес ее пальто. Дмитрий Васильевич Рундквист, с которым мы только что простились, улыбнулся мне растерянно. Как и все, он выглядел счастливо потрясенным, вроде бы – да, ждал знаменитость... а пришла чистая и небывалая красота и радость... Понятно было, что он позвал Майю Михайловну в предновогодний вечер, чтоб показать звезде балета ее роскошный бронзовый портрет. И она – вот, пришла...

У своего портрета она задержалась недолго. Как мне показалось, ей было и любопытно, и чуть неловко. Негромко сказала что-то Щедрину, улыбнулась мне – мы как раз оказались у бюста напротив друг друга. Повернулась к директору. Милейший академик Николай Васильевич попытался поцеловать ей руку,

но она опередила, обняла его и поцеловала в щеку. Окинула всех чудесным взглядом, поблагодарила, поздравила с наступающим праздником. Не забыла сказать несколько теплых слов в адрес уральского скульптора. Родион Щедрин снова взял жену за руку и потянул к выходу – их, разумеется, где-то уже ждали.

Вот, как будто, и все. Занавес!

Наконец я очутилась на зимней улице, в предновогодних огнях Москвы. Кремлевские башни, как гигантские ели, сияли рождественскими звездами. Прохожие на Моховой спешили в метро – скорее домой, встречать нечто не вполне понятное – все только и говорили, что о миллениуме, спорили, каким годом кончается тысячелетие, 1999-м или 2000-м, то есть – новое настанет сегодня ночью? Или через год?

Я-то шла мимо Кремля совершенно уверенная: миллениум – наступил. Уже! Для меня минутная встреча с Майей Плисецкой решительно и безусловно открыла новое тысячелетие.

Должна пояснить. Я по природе вовсе не фанат. Не фанат ничего и никого, даже Майи Плисецкой. В театре я ее не ви-

дела никогда. Да, в молодости, на широком экране кинотеатра однажды увидела «Кармен-сюиту». Да, запомнила на всю жизнь. Да, разглядела в ее Кармен не только гениальную балерину, но и женщину гениальную, человека – необычайного. Да, увидев в предновогодний вечер, убедилась – существо лучезарное. Но и в мыслях не было искать дальнейших контактов. Чудо нельзя выпрашивать, нелепо его преследовать – знаю об этом со времен детских сказок...

Однако же неспешно творящаяся реальность – снова све-ла!

ПЕРМЬ. ДЯГИЛЕВ

Мы встретились через три года. И где – на моей родине, в Перми. На Первом Дягилевском международном фестивале. Мой журнал «БМ» был одним из информационных спонсоров этого невероятного по тем временам, по-настоящему международного культурного проекта.

На Первом Дягилевском главным событием стала мировая премьера оперы Родиона Щедрина «Лолита» по роману Владимира Набокова. Автор прилетел вместе с Майей Плисецкой. И вышло так, что почти всех гостей огромного фестиваля поселили в гостинице «Прикамье». И мне достался номер на одном этаже с люксом Щедрина и Плисецкой. Утром, в день открытия фестиваля, я пришла на завтрак в уютный небольшой буфет на нашем этаже. Там была Майя Михайловна. Столиков было немного, все плотно заняты. Плисецкая сидела с Екатериной Максимовой, два стула были свободны. Обе, не сговариваясь, в голос позвали: «Садитесь, пожалуйста, свободно!» И я, как три года назад, оказалась снова напротив Плисецкой. А еще и в профиль к Максимовой. Господи, как весело они разговаривали... Как школьные подружки на большой перемене, как одноклассницы. Мне запомнилось, что – про пельмешки. О том, что обе – любят, и настало время, когда – можно! Они смеялись, а тем временем к столику подплыла полная и со старинным шиком нарядная официантка в крахмальном фартуке и накол-

ке. Светилась радостью и гордостью, голос звонкий:

– Вот вам, дорогие мои, наши фирменные, уральские, аккуратненькие, как балеринки! Специально для вас!

Как песенку поет. Вот и на меня смотрит:

– Вам чего другого?

– Мне того же.

В конце завтрака, когда принесли кофе, Майя Михайловна посмотрела на меня внимательно и спросила:

– Мы не виделись с вами прежде?

– Виделись, – ответила я. – Миллениум, канун нового тысячелетия, вечер в геологическом музее. Ваш портрет – в бронзе и на малахитовой колонне.

– Ну конечно! – сказала Плисецкая и повернулась к Максимовой:

– Оказывается, мы знакомы с прошлого тысячелетия, – и снова ко мне: – Не запомнила ваше имя!

Так и познакомились. Длилось наше «второе знакомство» с Плисецкой и Щедриным дня три-четыре. Но шапочное знакомство, хотя и очень приятное, позволило с близкого расстояния разглядеть, что в эти дни происходили события напряженной драматургии.

За час-полтора до спектакля я была в буфете, было там пусто. Вошла Плисецкая, бледная, сосредоточенная, попросила чашку с кипятком. Присела за мой столик, достала из бархатной сумочки на шнурке небольшой

пакет и, когда кипяток принесли, высыпала содержимое в чашку. «Это алтайский чай, травяной сбор. Рекомендуются воинам перед битвой». Не улыбнулась.

А я пила себе кофе с тирамису из горького шоколада... И чувствовала, что разделяю с Майей Михайловной время перед сражением. В общем-то, я отчасти догадывалась, в чем дело...

«ЛОЛИТА». И НЕ ТОЛЬКО

Сегодня премьера «Лолиты» – опера, впервые по-русски. Роман «Лолита» был написан Владимиром Набоковым в 1955 году по-английски, но в США был запрещен и не публиковался десятилетиями. Был переведен на родной язык самим автором, и в СССР тоже был запрещен к публикации. Судьба оперы Родиона Щедрина в России с момента ее создания начала складываться не менее мучительно. Для начала: в Большом театре партитуру «Лолиты» отвергли, даже не ознакомившись.

«Скандальную» книгу Набокова я, как ни странно, прочла одной из первых в нашей стране в связи с другой удивительной случайностью. С 1984 года я жила в Тбилиси, там мои стихи впервые напечатали в журнале «Литературная Грузия» в одном номере с замечательными поэтами и с моим любимым писателем Андреем Битовым. Вскоре встретились в Пицунде в доме писателей с самим Битовым. А через пару месяцев – случайно – встретились в Москве в изда-

На премьере оперы «Лолита» в Перми. 2003

тельстве «Советский писатель», где у меня лежала, да так и не вышла книга стихов. А у Битова как раз и вышла книжка – после почти десятилетнего перерыва из-за участия в неподцензурном альманахе «Метрополь». Вот тогда, в издательстве, Андрей Георгиевич и попросил меня отвезти в Тбилиси его близкому другу Резо Габриадзе небольшой подарок. Это и была «Лолита», изданная впервые в Германии на русском. Я открыла эту «запретную книгу» в самолете, а дочитала дома, в Тбилиси. Чтение вызвало шок. Мучительная страстная любовь взрослого господина к девочке-подростку. Но я дочитала... С огромным, невероятным облегчением. Дочитываешь до последних глав – и открывается главное: невероятная возможность полного искупления греха – любовью же! К этому, к свету чистой любви, приходит в конце романа его несчастный герой. Это история – о возможности преображения. А сама Лолита – трудный подросток! Она – вырастает. Гумберт Гумберт теряет ее, но в конце романа он находит свою Лолиту взрослой, прекрасной, едва ли не святой женщиной, ждущей ребенка от любимого мужа. Мрак рассеивается. Душа спасена.

Я передала книжку Резо Габриадзе. Битов осуществил предполагаемое «сдруживание друзей», как он это называл. С тех пор и навсегда мы стали друзьями с Ревазом Левановичем – с ним самим, с его театром, с актерами, с его женой Крошкой, со всем его миром. Кстати, «Лолиту» Резо сначала резко не принял, не дочитал, не смог. Но через много лет мнение изменил. Объяснил просто: «Потому что дочитал!»

О том, как выдержал сам Набоков десятилетия гонений на одну из своих лучших вещей, как все это далось автору «Лолиты», можно судить по стихам самого Набокова:

*Какое сделал я дурное дело,
И я ли развратитель и злодей,
Я, заставляющий мечтать
мир целый
О бедной девочке моей...*

Родион Щедрин и Майя Плисецкая.
Утро после премьеры «Лолиты»

А мне досталось видеть вот что. На первом Дягилевском фестивале, на премьере, после третьего звонка в зал Пермского театра оперы и балета вошли, держась за руки, Щедрин и Плисецкая. Театр – вся публика: люди на ярусах, в ложах, в амфитеатре и музыканты в оркестровке вместе с дирижером – все встали! Аплодисменты гремели. Зрители приветствовали не просто великую балерину и композитора премьеры. Зал приветствовал отвагу этих двоих, гениальных и свободных артистов, не раз уже доказывавших свое право на смелость! И все это – на главных сценических площадках планеты. Не знаю, как у кого, а у меня мурашки шли по коже от того огромного доверия к ним зала, когда эти двое шли навстречу премьере. И с особенным чувством я смотрела на Майю. Потому что совсем недавно видела, как она собирала себя к этому выходу. Вот здесь и сейчас – она была готова! И улыбалась, и по-балетному раскланивалась перед залом – и знала же, выказывая публике свою благодарность за веру, что ее муж, автор оперы «Лолита», победит в этой битве. И она – с ним.

У оперы «Лолита» Родиона Щедрина успех был оглушительный. Не просто успех, в самом деле – победа. Музыка была полна оглушительной любви и света! В самом конце – крещендо, хорал. Катарсис. И публика снова, повинувшись общему порыву,

– встала.

Вот это и есть – стиль Майи.

Легкость, естественность, чувство юмора, способность мгновенно заглянуть в глаза, увидеть отклик. А еще – честность. И гнев, когда по лени или небрежению нарушают законы ее бытия. Честность кто-то нередко принимал за жестокость. Вот уж нет! Даже когда она шла на бой, она шла не против, а ЗА. За то, что хотела воплотить, сделать – как хотела, и, главное, – как могла только она.

На следующий день, на волне счастья, мы снова встретились, на этот раз и с Родионом Константиновичем. Произошло это после премьеры. Утром раздался короткий стук в мой номер и голос Щедрина:

– Если проснулись, заходите к нам, будем рады вас видеть!

Через пять минут я зашла в двухэтажный люкс – внизу уютная гостиная, заставленная вазами с цветами, на столе бокалы и какая-то закуска, в кресле сидит веселый Щедрин и начинает открывать шампанское.

– Проходите, я тут делом занимаюсь – завтраком непосредственно после ужина! Садитесь, Майя Михайловна сейчас спустится!..

Плисецкая спустилась, пробка выстрелила, не долетев до люстры. Щедрин смеется... А через мгновение, я даже не заметила, как это вышло, – Плисецкая скользнула и оказалась в кресле рядом с Щедриным. И тут я вспомнила, что была когда-

то фоторепортером. В моем кармане лежал мобильник, я спросила Майю:

– Можно?

– Валайте! – ответила она.

И я сделала один-единственный снимок.

Вышло не очень... То ли душа, то ли рука дрогнула. Но снимок мне дорог. Дорога та минута. Плисецкая с мужем на фоне окна, они легко уместились в кресле вдвоем. Щедрин блаженно откинулся и закрыл глаза... В моей фототеке этот кадр называется «Вместе», он – о счастье.

Вернувшись в Москву, я дважды была приглашена Щедриным и Плисецкой на его концерты в камерный зал Дома музыки. На последнем мы с Майей Михайловной и Родионом Константиновичем простились – они ведь жили тогда главным образом в Мюнхене, Щедрин преподавал в тамошней консерватории.

ФОТОГРАФ МАКОВЕЦКАЯ. ПРОЕКТ АЛЬБОМА

В следующем году многое в моей жизни изменилось. Я закрыла свой деловой журнал. Он помог нам с дочерью, беженкам, выжить (в Москву мы попали в 1991 году из Грузии, где началась гражданская война, у нас сожгли квартиру, пропали документы). Журнал позволил объездить полмира и в конце концов купить квартирку в центре Москвы. Достаточно. Я вернулась к литературе, появились публикации рассказов, вышли первые книжки... Параллельно начала работать редактором в небольшом книжном издательстве. И вскоре познакомилась с талантливой фотохудожницей из Владивостока – Светланой Маковецкой. Она была ученицей фотографа Георгия Мстиславовича Колосова, идеолога и мастера современного пикториализма (от англ. pictorial – живописный). Была такая мировая школа фотографии с середины 19-го века до 30-х годов 20-го. Школа была, понятное дело, монохромная. Так вот, Светлана Маковецкая внесла в традиционный pictorial – цвет. Ее учитель изготовил для Светланы несколько объективов с чуть смещенным фокусом, от чего

Съемка в квартире на Тверской

фотографии получали эффект лучистости, оставляя важные детали четкими. Маковецкая очень здорово, с художническим талантом, этим инструментарием пользовалась.

И, опять же случайно, мне под руку попался номер знаменитого европейского журнала (возможно, даже Vogue – не берусь утверждать), где была опубликована чрезвычайно пышная и в то же время чудовищная фотосессия с Майей Плисецкой. Нет, это публикация не была посвящена великой русской балерине, ее таланту, свободе, стилю. Следа здесь не было от ярчайшей умницы, написавшей потрясающе честные и глубокие книги о своем времени, о танце, о любви, о судьбе. Но прославленное имя ее, разумеется, было использовано на полную катушку. Всего лишь как реклама, как бренд, как наклейка на вычурно-роскошных, тяжелых, как бревна на лесоповале, нарядах из парчи. Зато возраст «модели» в публикации выплывал – возможно, чтоб польстить старым, безмерно богатым миллиардерам. Рекламщикам понадобилась «не меньше, чем Плисецкая», чтоб все эти тяжкие доспехи, навороты и украшения были замечены их клиентками. Чтоб объявлять подружкам: «Смотрели в последнем журнале? Плисецкая – в моем новом платье».

Меня это просто обожгло. Никогда она этого «платья» не носила – ни на сцене, потому что танцы тяжких нарядов не терпят, ни в жизни! Не ее стиль. Кто читал ее книги, понимают время России, которое досталось Плисецкой. Как и я понимаю. Она немногим моложе моей мамы и выбрала свой путь, будучи почти сиротой, дочерью репрессированных родителей. Насколько же вся эта роскошь на продажу была – не ее!

Тогда и подумала: вот бы Майю Плисецкую сняла моя новая знакомая – фотограф Маковецкая. Спросила Светлану, что она думает о такой возможности. Она ответила мгновенно:

– Вот кого я бы хотела снимать!

Приближалось 80-летие Майи Плисецкой, я ей позвонила, сказала о фотографе Светлане. Она

предложила контрамарки нам обеим на юбилейный вечер.

– Пусть ваша подруга попробует там поснимать, потом разберемся. Но учтите, в «Новой Опере» пространство небольшое, фотографов там будет не меньше, чем публики. До меня вы вряд ли доберетесь. Берегите себя.

Погода в те ноябрьские дни стояла ужасная: дождь со снегом, гололед. За три дня до вечера Светлана ломает левую руку между локтем и запястьем, и все же полна решимости снимать... Как и предупреждала Плисецкая, в зале у стен, в проходах стояли, сидели и только что на люстрах не висели здоровенные дядьки, увешенные аппаратурой. На сцене все звезды приветствовали великую актрису. Мы сидели в партере, возле центрального прохода. Вот объявили «Танец с веером» в постановке Бежара, из последних номеров Майи Плисецкой.

С левой рукой в лангете, с камерой в правой, Светлана встала и двинулась по центральному проходу, забитому фото- и тележурналистами. Честно говоря, я смотрела на это с ужасом. Толкающаяся толпа мужиков с железом в руках, и – женщина со сломанной рукой проходит ее насквозь, чтобы сделать работу, которую, по ее убеждению, может сделать только она. Застряла метрах в семи от оркестровой ямы... Из этого подвига получится всего три мгновения,

застывшие в камере: Майя, веер, Бежар и немного света... Букеты летят на сцену... Майя в поклоне...

Не очень-то я запомнила танец, скорее – танцовщицу. Все в ней и было. Плисецкая была отрешена и спокойна. Двигалась с изяществом, легкостью и даже с некоторым лукавством: вот – разгадайте тайну жизни, посмотрите, как это просто... Зал затих полностью. Только вспышки блицев в сумерках... И – гром аплодисментов!

Помню, как сосед спереди все повторял, оборачиваясь ко мне: «Нам повезло! Как нам повезло!»

Только после концерта, уже в фойе – вокруг балерины открылось немного пространства. Маковецкая начинает снимать, как Плисецкая подписывает фотоальбом «Аве, Майя». Практически весь зал выстроился в очередь за фотоальбомами «Аве, Майя!», а затем к Майе Михайловне – за автографами. Две очереди вились, продолжая друг друга, по всей главной лестнице театра, пересекали фойе и под конец закручивались вокруг небольшого стола, за которым, как прилежная ученица за партой, сидела Ее Величество Балерина в своем любимом маленьком темно-темно-синем платье, конечно, от Кардена. Никаких украшений, только знаменитая круглая брильянтовая брошь. Она вглядывалась в лица людей, спрашивала имя и подпи-

Съемка в Мюнхене

сывала, подписывала альбомы. Она была просто внимательна к людям, каждый был для нее достоин симпатии и уважения. И люди, абсолютно каждый, стояли в огромной очереди в каком-то странно приподнятом настроении. Это была счастливая очередь. Она давала право побыть вдвоем с Майей, всего несколько секунд, но действительно по-настоящему наедине. Опять это был короткий урок доверия. И это скрепляла подпись на книге – Майя Плисецкая.

В Майе Михайловне никогда не было ничего формального. Ничего исключительно на показ. То есть она – конечно же! – чувствует любую игру, увлеченно ей отдается. Но она всегда играла всем сердцем, и сияла – изнутри, собою. Как и положено звезде. Еще: в любой свой миг она всегда абсолютно свободный человек. Но как же она замечает и уважает свободу другого человека! Вот эту свободу, естественную, как у ребенка (вспомните ее детскую фотографию), она сохранила и даже сейчас доносит до каждого, кто в состоянии увидеть, и понять, и заразиться ее свободой. Вот она, одна из тайн ее стиля. Именно

стиль «заказывает» под артиста того самого зрителя, ту самую публику.

Как все просто. Как у Пастернака:

*Но корень красоты отвага,
И это тянет нас друг к другу.*

«ЖИВЕМ МЫ НА ТВЕРСКОЙ...»

После того памятного концерта я опубликовала несколько снимков Маковецкой в специальном и последнем выпуске моего журнала. Публикация Майе Михайловне понравилась, и мы вдвоем со Светланой в назначенный час пришли к ее дому на Тверской. Но! – Майя Михайловна ждала нас к одиннадцати, а я записала в своем блокноте – 12 часов дня. Как вышло – понять нельзя. Сейчас-то уж и поздно.

И вот мы со Светланой ровно в полдень стоим у подъезда на Тверской, я нажимаю звонок.

В домофоне раздается голос Родиона Щедрина: «Вы опоздали на час. Представляете, что вас ждет?! Вряд ли съемка состоится. Сейчас позову Майю Михайловну».

Она была в ярости. И сказала в диктофон все, что о нас дума-

ет. Возможно, это нас и спасло... Она успокоилась. Кстати, ничего она не сказала грубого, оскорбительного. Она просто рассказала об испорченном утре. О том, что терпеть не может сниматься, но, как всякий обязательный человек, вовремя встала, подготовилась, а ее обманули. Вот это и было ужасней всего.

Но она нас впустила. Сказала холодно, что у нас уже не час, а двадцать минут.

И мы прошли в квартиру на Тверской.

Я не стану ее подробно описывать, сейчас там музей, очень хороший, почти все осталось, как было, я там недавно побывала. А тогда был просто ее дом. Не музей. Одно могу сказать: ничто так не объясняет человека, как его жилище. Каждой своей половицей, каждой вещью оно свидетельствует – здесь живут люди. Порядочные, не богачи, всерьез читающие, гостеприимные. И, опять-таки, ничего напоказ, у каждой вещи своя история, все собралось постепенно, по жизни. Что действительно драгоценно – так это роскошные портреты хозяйки, подаренные авторами. Они хранят воздух ее красоты, ее неумирающий образ. И воздух,

Промельк Майи. Фото А. Бердичевской

которым она дышала.

Началась съемка. Она длилась не двадцать минут и даже не час. И Светлана, и Майя — увлеклись. Я тоже приложила руку. С моим стареньким «Ником» я наблюдала за тем, как две женщины работают, помогая друг другу. Мои снимки — просто репортаж, часть из них опубликована здесь впервые. Комментировать не хочется. Хочется — смотреть и помнить. Что я и делаю...

Вот только забавная деталь. Майя Михайловна сетовала, что после перемещения части их с Щедриным жизни в Мюнхен, почти все шляпы от Кардена, сделанные им специально пандан к верхней одежде, остались в Москве: в Германию они так и не уехали. Майя снималась в черном трико и в роскошных, неожиданных черных шляпках, напоминающих головные уборы клерков, полицейских или испанских тореадоров. Восьмидесятилетняя танцовщица выглядела в этом наряде шикарно. Сами видите — как! Она провела с нами несколько часов. А любопытствующий Родион Константинович был изгоняем.

Тогда же, вскоре после юби-

лея Майи Михайловны, в конце 2005 года, в издательстве «Arsis Books», в котором я работала главным редактором, стал развиваться проект издания альбома «Тайна стиля». Название, как и сам проект, предложила я. Издатель-директор очень заинтересовалась, проект был принят и продолжался несколько лет — ведь Щедрин с Плисецкой люди занятые. Мы побывали в Мюнхене, чтоб можно было запечатлеть Майю в любимой своей одежде — в повседневных и праздничных одеждах от Кардена. Съездили в Париж к Пьеру Кардену, общались с ним и в его Дворце молодежной культуры, что совсем рядом от Президентского дворца на Елисейских полях. Побывали на приеме в знаменитом ресторане Maxim's, там был и сам Пьер Карден, там выступали знаменитые шансонье. Мы подружались с прекрасно говорящей по-русски его помощницей по имени Гала.

Когда сбор материалов закончился, началась работа собственной редакторская.

Но вскоре получилось так, что я из проекта альбома вышла. Не стоит объяснять, почему. Годы эти потерянными не считаю ни в

коем случае. Был мир и работа, которую я любила. Я подготовила в издательстве несколько десятков книжек моих любимых авторов — Андрея Битова, Юрия Арабова, Олега Чухонцева, Владимира Шарова, Александра Григоренко, Анатолия Королева, Соны Ван в переводах Евгения Рейна... Вышли и две мои книги. Да и альбом, в котором сохранилась Майя, увиденная камерой моей подруги, фотохудожницы Светланы Маковецкой, — все-таки вышел! А вот судьба Светланы сложилась трагически. Она скончалась от внезапной болезни, так и не увидев своего альбома. Который увидел свет в 2012 году. Мне его доставили домой с нарочным, и я была рада. В нем сохранилась толика света и воздуха, которым дышала великая, прекраснейшая из женщин прошлого века, перелетевшая, не то чтобы легко, но свободно — в свое новое столетие...

Я все вспоминаю зрителя, что сидел на ее 80-летию передо мною в зале Новой оперы, и после «Танца с веером» Бежара все оборачивался и говорил: «Нам повезло! Как нам повезло!»

Спасибо, Майя!

ПОСЛЕДНИЙ ЛЕВ ГРУЗИИ

■ **Кетеван МГЕБРИШВИЛИ**

Ровно 305 лет назад, холодным ноябрьским днем 1720 года в Телави, в замке Батонис цихе (Крепость господина) родился мальчик, царевич, будущий царь Картли и Кахети Ираклий II. Его родителями были Тамар, дочь Вахтанга VI, Теймураз II из рода Багратионов.

По мнению историков, заслуги Ираклия перед отечеством неоценимы: он был блестящим военным стратегом и бесстрашным воином, выдающимся политиком и реформатором своей эпохи. С его именем связаны реформы, направленные на объединение и модернизацию Грузии, развитие промышленности и культуры.

Детство Ираклия прошло в Батонис цихе, вместе с ним рос и его двоюродный брат, царевич Теймураз (впоследствии митрополит Антоний I). Оба родились в 1720 г., выросли вместе в Телави, в один год (1744) Ираклий стал царем Кахети, а Антоний — Католикосом-Патриархом Вос-

точной Грузии, и до конца оставались верными соратниками.

Ираклий с юности стал участвовать в государственной жизни. В возрасте пятнадцати лет с наскоком собранным войском он жестоко разбил на Нейшинском поле отряды лезгин, движущихся из Кизики. После первого бо-

евого крещения, в силу юного возраста и невысокого роста, народ ласково прозвал его «Патара Кахи» — «Маленький Кахи (кахетинец)», прозвище, которое сохранилось за ним на всю жизнь. Два года спустя Надир-шах вызвал Ираклия в Иран для участия в индийской военной экспедиции, где царевич набрался опыта.

В июне 1744 года, с согласия Надир-шаха, царем Картли стал Теймураз II, а царем Кахети — Ираклий II. Согласованное правление отца и сына в Картли и Кахети (1744-1762) по сути было равнозначно объединению Восточной Грузии и создавало благоприятные условия для борьбы с непокорными феодалами. Теймуразу и Ираклию удалось упразднить Арагвское и Ксанское сазриставо, и они стали планомерно ограничивать политические права остальных мятежных князей.

Если привести лишь небольшой перечень сражений царя, станет ясно, какие титанические усилия прилагал Ираклий для поддержания мира внутри страны и укрепления позиций Грузии в регионе: он неоднократно побеждал посягавшего на картлийский престол Абдулла-бека; в 1748 г., после двухвекового иранского господства, вместе с отцом освободил Тбилисскую крепость; в 1749 г. победил Махмад-хана и наложил дань на Ереванское ханство; в 1750 г. близ Гянджи победил правителя Карабаха Пана-хана; в 1751 г. в Кирбулахской битве победил претендента на иранский престол Азат-хана, в 1761 г. взял его в плен и позднее отправил к правителю Ирана Керим-хану. Со смертью Надир-шаха (1747) иранское господство в Закавказье фактически завершилось, и Ираклий II получил возможность действовать свободно. Успешные военные походы Теймураза и Ираклия способствовали созданию необходимых условий для развития страны. Войны в регионе, по сути, происходили за пределами Грузии, что обеспечивало мир внутри страны. В 1762 г., после смерти отца, Ираклий стал единоличным правителем Картли и Кахети, хотя его официальная титулатура намного длиннее — «царь Картли, царь Кахети,

наследник владетель Самцхе-Саатабаго, правитель Казаха, правитель Борчалло, правитель Шамшадилла, правитель Каки, правитель Шака и Ширвана, владетель и правитель Гянджи и Еревана». Ему на протяжении нескольких десятилетий удалось сохранять относительно стабильную ситуацию, что позволило царю и его единомышленнику, Католикос-Патриарху Антонию I, начать важнейшие реформы в сферах экономики и культуры, а также в области права и государственного управления. Появились первые фабрики и заводы (сахар, стекло, шерсть), началось горнодобывающее производство (медь, золото и серебро, чугун, железо), возобновил работу монетный двор, была восстановлена типография и т.д. Попыткой военной реформы стало создание «дежурного войска» (регулярной армии) под командованием царевича Левана. Были основаны духовные семинарии и училища, светский театр.

Объединению страны и обеспечению ее безопасности мешали серьезные препятствия со стороны Турции, преодолеть которые грузинские царства собственными силами не могли. Государства Европы в основном уже урегулировали свои отношения с Ираном и Турцией, поэтому Грузия для них не имела столь важного стратегического значения. Единственным непримиримым противником Турции оставалась Россия, которая также искала союзников в Закавказье для контроля над Черным и Каспийским морями. Ираклий II считал ориентацию на Россию единственным путем реализации своих замыслов. Он пытался использовать силы Российской империи для решения своих государственных задач. Российское правительство своим войскам на Кавказе поручало не очень важные задачи. Начальнику экспедиционного корпуса генералу Готлибу Тотлебену было приказано, с целью расширения русских владений, в основном действовать в Западной Грузии, на побережье Черного моря. Несмотря на это, Ираклию все-таки удалось склонить Тотлебена к участию в военном походе на Ахалцихе (1770), целью кото-

рого было освобождение Месхети от турецкого господства. В Аспиндзской битве Ираклий победил османско-лезгинское войско под командованием Голла-паши. В этом сражении еще раз проявился полководческий талант царя Картли и Кахети.

В 1783 г. был заключен Георгиевский трактат и царство Картли-Кахети перешло под покровительство России. Последняя битва царя состоялась на Крцанисском поле, недалеко от Тбилиси, в 1795 г., между войсками Картли-Кахети и Ирана. Несмотря на самоотверженность грузинского войска, силы были неравны, и повелитель Ирана Ага-Магомет-хан камня на камне не оставил от столицы Грузии. Самого же Ираклия его внуки с огромным трудом вывели с поля боя. Царь скончался спустя два года в той же комнате и постели, где родился. Похороны Ираклия затянулись из-за царившей в то время в Картли эпидемии чумы. На сороковой день после смерти его тело предали земле в соборе Светицховели в Мцхета.

Несколько лет назад в Национальной галерее Грузии им. Дмитрия Шаварднадзе состоялась уникальная выставка под названием «Последний лев Грузии», посвященная жизни и деятельности Ираклия II. В экспозиции были представлены портреты, рукописи, письма, оружие, одежда, личные вещи, принадлежавшие царю и его семье. Все эти экспонаты, хранящиеся в различных государственных музеях Грузии, были специально собраны для данной экспозиции.

У входа в выставочный зал стояли две длинные пушки, одна из них, отлитая из бронзы, принадлежала Ираклию II, на ней изображены фигуры животных, вторая принадлежала Теймуразу II, на ней даже сохранилась надпись с именем царя. Оба оружия хранятся в коллекции Национального музея им. Симона Джанашия. В середине XVIII в., по инициативе царского двора, в Тбилиси был построен артиллерийский завод («топхана», он находился на сегодняшней площади Ираклия II), где отливались пушки, производились гранаты и ружья. Начальник мастеров топханы назывался «топчибаши»,

Текле Батонишвили

эту должность занимал Паата Андроникашвили, которого Ираклий командировал в Россию для изучения артиллерийского дела. После возвращения на родину Паата на заводе переплавил старые пушки и отлил новые в соответствии с европейскими калибрами. В Крцанисской битве грузинская артиллерия во многом превосходила иранскую. Ага-Магомет-хан уничтожил пушки, а мастеров с семьями забрал для работы в Тегеран.

На выставке можно было увидеть 135-сантиметровое кремневое ружье царя, сделанное из дамасской стали с использованием золота, серебра, дерева и слоновой кости; украшенную узорчатым орнаментом саблю Ираклия, на ножнах которой сделана надпись на арабском. В Телавском историческом музее хранится еще одна царская сабля. Как полагают, после Аспиндзской битвы Ираклий подарил ее своему тестю, правителю Самегрело Кациа I Дадияни. На ней есть именная царская дарственная надпись, сделанная в 1770 г. Сабля переходила по наследству потомкам Дадияни, последним ее владельцем был Давид Дадияни. Во время Гурийского восстания 1841 г., в котором Давид потерпел поражение, оружие оказалось у гурийцев. С 1941 г. сабля хранилась в Озургетском краеведческом музее, а в 1983 г., во время

празднования 200-летия Георгиевского трактата, она была передана Телавскому музею.

С одним из экспонатов выставки, портретом Ираклия, связаны мои личные воспоминания. Это, пожалуй, самый известный портрет царя, который встречается во всех учебниках по истории Грузии. Он написан в XIX в. неизвестным автором. В 50-х годах минувшего века картина находилась на реставрации в Музее искусств Грузии, а восстанавливала ее художник-реставратор Матильда Мгебришвили, сестра моей бабушки, которая около двадцати лет проработала в этом музее. Ей принадлежит заслуга в «оживлении» и «лечении» десятков ценнейших полотен мастеров различных эпох. Это искусство она освоила в Москве, в центральных реставрационных мастерских министерства культуры СССР. У нас дома хранится газета «Вечерний Тбилиси» от 16 февраля 1959 г. со статьей о том, как Матильда работала над портретом Ираклия.

Другая картина с изображением совсем юного царевича называется «Патара Кахи», она создана неизвестным автором в XIX в. С нее на нас смотрит мальчик в темно-коричневой choxe, и, несмотря на юный возраст, его взгляд полон уверенности.

Большое внимание посетителей привлекли личные вещи царя, например, белый ахалухи, сшитый из полотна с использованием шелковой нити, на нем вышит узор в форме красного цветка. Вероятно, немногие лю-

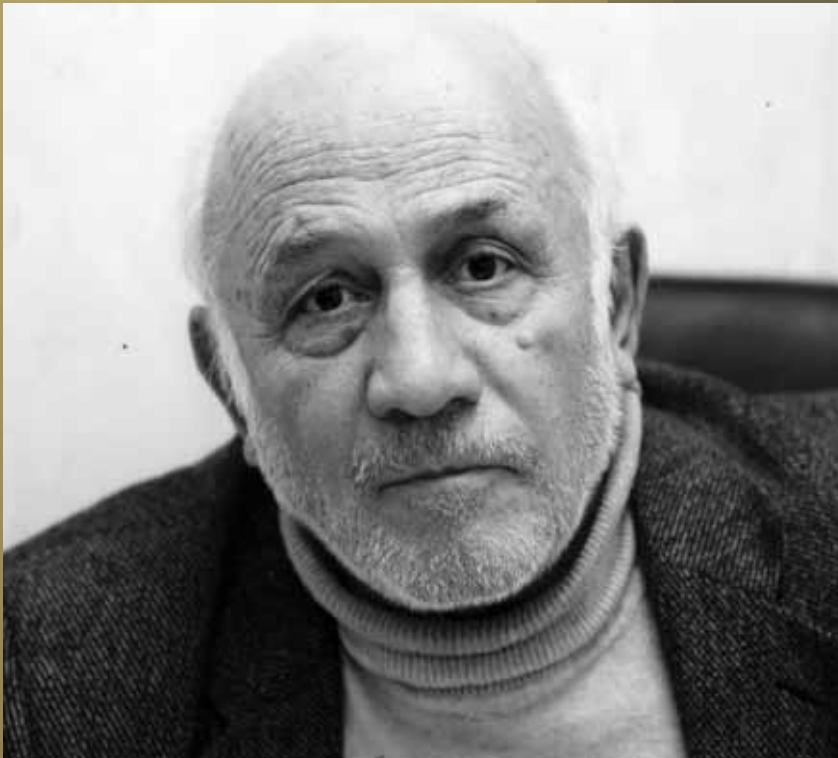
бители истории знают, что царь носил очки. Подобные очки – в круглой оправе – до сих пор пользуются популярностью среди молодежи, их еще называют «бабушкиными». Этот аксессуар Ираклий хранил в специальном квадратном футляре, с обеих сторон покрытом живописными изображениями цветов. Особое умиление у зрителей вызвала игрушечная лошадка Ираклия. С нижней стороны к ней прикреплена серебряная пластина с надписью: «Я принадлежу царевичу Ираклию» (позолоченное серебро, медь, дерево). Серебряный стакан, на котором выгравирован портрет Ираклия, – подарок царицы Дареджан своему супругу. На нем дарственная надпись: «На память царю Ираклию от Дарии». Помимо того, здесь можно было увидеть золотой потир (чаша для христианского богослужения) и лжицу (небольшая ложечка с крестом на конце рукоятки, при помощи которой совершается причащение мирян и церковнослужителей), которые Ираклий пожертвовал собору Светицховели.

Портрет любимой дочери Ираклия, царевны Текле, написан в конце XIX в. неизвестным автором, он хранится в Музее искусств Грузии им. Шалвы Амиранашвили. Непривычным элементом картины является надпись, указывающая имя и статус женщины.

В экспозиции также были представлены вышитые серебром бархатные домашние тапочки царевны Текле, которые хранятся в Музее истории Тбилиси «Карвасла». Младшая дочь царя, которую ласково называли

«Текла-бичи», была поэтессой и матерью поэтов Александра и Вахтанга Орбелиани. Она принимала довольно активное участие в общественно-политической жизни страны. За участие в заговоре 1832 г. Текле была сослана в Калугу. После возвращения в Тифлис ее дом стал одним из центров культурной и творческой жизни столицы.

Трон Католикоса, принадлежавший Антонию II (в миру Теймураз Багратиони), Католикос-Патриарху Восточной Грузии (1788-1811), также пользовался повышенным вниманием посетителей выставки, что вполне естественно, так как подобные экспонаты выставляются крайне редко. Антоний II был сыном Ираклия II и царицы Дареджан, стал католикосом после смерти Антония I. В начале 1811 г. российское правительство упразднило автокефалию Грузинской православной церкви и подчинило ее Российскому Синоду. Антоний II был вызван в Санкт-Петербург, где его вскоре избрали в Синод. Последние годы жизни Католикос провел в Нижнем Новгороде, где пользовался большим уважением местного населения. В связи с ухудшением здоровья Антоний II просил разрешения вернуться на родину, но получил категорический отказ. Католикос скончался 21 декабря 1827 года. Жители Нижнего Новгорода с болью провожали грузинского пастыря в последний путь. Желание Антония – чтобы после смерти его останки были возвращены на родину – не было исполнено тогдашним губернатором Грузии Паскевичем. Первоначально католикос был похоронен в Успенском соборе, а в 1841 г., когда этот собор был снесен, прах Антоний II перенесли в Спасо-Преображенский собор.

СЛЕД ЖИЗНИ

■ Александр ЭБАНОИДЗЕ

Продолжение

СТАДИОН

Тренерский совет решил переквалифицировать меня в метатели молота. Я с удовольствием принял решение спортивных гуру, меньше чем за месяц освоил метание с двух оборотов и перешел на три, постепенно наращивая скорость вращения и дальность бросков.

В последнее десятилетие к традиционному способу метания молота — с трех оборотов — тренеры и спортсмены добавили четвертый оборот, создавший дополнительные трудности для спортсмена, но наращивающий центробежную силу и, соответственно, дальность броска.

С новым способом повы-

сился спрос на атлетов с иными, чем прежде, физическими данными — теперь молотометателю не обязательно быть могучим великаном, рост и вес спортсмена успешно заменяют скорость и координация: уже в мою пору, в конце 50-х, крепыш из Баку Станислав Ненашев отобрал мировой рекорд (ненадолго) у минского гиганта Михаила Кривоносова.

Несколько слов о молоте и способе его метания.

Считается, что этот вид спорта зародился среди шахтеров Шотландии: на досуге после работы, расслабляясь на вересковых лугах, шахтеры раскручивали над головой свой рабочий инструмент и швыряли — кто дальше.

Со временем снаряд усовершенствовали, и к двадцатому веку он принял нынешний вид — ядро на тросе с ручкой для удобства раскручивания.

Длина снаряда 127 см, вес 7 кг 257 гр. Скрупулезная точность объясняется переводом параметров с фунтов и дюймов. Круг, из которого производится метание, равен в диаметре 2 м 13 см; из такого же круга производится метание диска и толкание ядра. Выход за круг аннулирует бросок любой дальности, даже рекордный. Поскольку нагрузка при метании молота чрезвычайно высока (ее фиксация современными приборами озадачила экспертов), для юношей (а нынче и для женщин) предусмотрен облегченный снаряд.

Три года я владел персональным молотом, переданным мне предыдущим чемпионом Грузии — Резо Канделаки. Вручая снаряд, Резо дружески похлопал меня по спине: «Теперь и мяч твой, и поле». Эту грузинскую идиому можно перевести как «Теперь хозяйствуй ты», или на старинный лад — «Впредь владей». Ко времени передачи молота Резо был студентом ГПИ — грузинского политеха, со временем он станет видным инженером; что же до характеристики персонального молота, то она вполне могла быть плодом его фантазии и грузинского юмора: Резо уверял, что в молот залита ртуть — для уменьшения размеров ядра, а его трос изготовлен из басовой струны контрабаса. По сей день не знаю, был ли это розыгрыш, но за удобную рукоятку, натертую до латунной желтизны, благодарен предшественнику.

Жаль, что жизнь разбросала нас! Я мало что знаю о товарищах по стадиону.

Попробую описать забытое по сей день действо (подобно персонажу Юрия Никулина из давнего советского фильма), а с радостным удивлением чую: «Руки-то помнят! Помнят руки-то...»

На запасном поле стадиона «Динамо» вхожу в круг для метания. Круг с трех сторон огражден прочной стальной сеткой. У меня на левой руке четырехпалая кожаная перчатка с отрезанным большим пальцем. Зажав в замок латунную рукоять, забрасы-

ваю молот подальше вправо и начинаю раскручивать над собой — круг, второй, третий; подхватываю вращение снаряда и проворачиваюсь на левой ноге с пятки на носок, в параллель приставляя правую ногу — раз, другой, третий; быстрее, быстрее, быстрее! Скорость и усилие нарастают, ядро на орбите стремится вырваться, свирепеет, я почти зависаю на нем, и в последнем усилии, вырвав из-за спины отставший снаряд, размыкаю руки. Из груди вырывается полустон, полувскрик. Все! И в кругу устоял. Теперь, развернувшись лицом к летящему снаряду, смотрю вслед — секунду, другую, третью... Молот летит, выбрасываясь вперед ядром, вращая над собой латунную рукоятку, и шмякается в землю. Вроде неплохо... Тут же довольный голос тренера: «Неплохо! Молодец! Закрепи последнее усилие...»

Фамилия тренера — Лабунский. Он, как и мой дед, родом из кавказских поляков, потомок ссыльных участников восстания. Его забавляет сосредоточение в секции молотометателей юных поляков — Нецеевский, Красиловский, Бжезовский, теперь еще полусвепарский.

«Что с вами, панове! — смеется он. — При царе-батюшке нас заподозрили бы в польском заговоре. Да и при Лаврентии Павловиче привлекли бы кой-куда...»

Лабунский — старый холостяк, быстрый, поджарый, с воспаленным румянцем на впалых щеках и неожиданно вспыхивающей доброй улыбкой.

Коль скоро уважаемый Валентин Викторович явился из прошлого, вспомню связанную с ним необычную драму, обернувшуюся хеппи-эндом.

Драма разыгралась после того, как я покинул стадион и уехал на учебу в Москву, поэтому знаю о происшедшем со слов товарищей.

Еще при мне, то есть до отъезда из Тбилиси, среди нас появился особо одаренный юноша Эдик Меженков — возраст 17 лет, рост 187 см, вес

115 кг. При таких данных парень был резок, стремителен и прекрасно координирован, словом — находка! Лабунский связывал с ним серьезные надежды и не жалел времени на индивидуальные тренировки.

И вот на одной из рутинных тренировок разыгралась та самая драма со счастливым концом. Как уже отмечалось, круг для метания молота с трех сторон огражден стальной сеткой; случается, что спортсмен, начавший незадавшуюся попытку, «сбрасывает» молот, выпускает из рук, и освобожденное ядро шарахается об сетку; на его стальном плетении множество вмятин от подобных ударов. По рассказам очевидцев, Лабунский неосторожно вышел за край сетки, а Эдик, прервавший незадавшуюся попытку, слишком небрежно отбросил молот и — угодил в тренера. Такое мог выдержать только железный пресс Лабунского!.. Санитары бегом несли носилки к «скорой помощи», бедолага Эдик трусил рядом и по-детски плакал, а Валентин Викторович его утешал: «Не реви, дурень... Благодаря богу, что в меня попал. Вот если бы на моем месте оказался другой, мы оба наплакались бы...»

А обернулась беда хеппи-эндом: в больнице, где Лабунскому пришлось полежать, закоренелый холостяк нашел свою суженую — выходившую его медсестру. Они поженились и жили долго и счастливо. Во всяком случае, так хочется думать.

В последний раз мы с бывшим тренером неожиданно-негаданно пересеклись перед распадом Союза, в эстонском городе Пярну, под стенами особняка знаменитой певицы Милицы Корьюс. Он удивился, обрадовался: «Какими судьбами? Почему в Пярну, а не в Гагре?» На мой вопрос о семейной жизни ответил со своей быстрой, доброй улыбкой: «Все путем, Санек! Во всяком случае, я на Эдика не в обиде...»

Спортивное сообщество, с которым я соприкоснулся в юности, как и все прочие люд-

ские сообщества, естественным образом расслаивалось на «касты»: внизу были мы, оперившиеся юнцы, только-только встающие на крыло; над нами, числом поменьше, «белые воротнички» — назывем так перворазрядников и кандидатов в мастера спорта (тогда это звание только входило в обиход); а над ними элита, можно сказать — небожители, призеры и победители олимпийских игр. Я наблюдал это расслоение как на сборах в санатории «Спорт», так и в Тбилиси, на стадионе «Динамо». Оно было настолько очевидным и само собой разумеющимся, что никого не унижало; каждый знал, что смена касты — результат спортивного успеха.

Так мой товарищ по тренировкам, спринтер Андрияш Бедукадзе, старательно разучивавший в Леселидзе низкий старт, такой же неоперившийся новичок, как и я, за четыре года ворвался в число лучших советских спринтеров, стабильно пробегал стометровку за 10,2 секунды. У него был реальный шанс побороться в Олимпийском Риме за одну из медалей, но по какой-то причине его не включили в сборную Союза.

Зато в Риме блеснул тренировавшийся рядом с нами в секторе для прыжков в высоту смуглый парень с непокорным чубом — Роберт Шавлакадзе (для своих просто Туту). Он выиграл золото у фаворитов — Брумеля и Джонсона, до Олимпиады наперебой задиравших рекордную планку. Тогда еще не был освоен «фосбюри-флоп», отдающий акробатикой; все трое прыгали старомодным «перекидным», и наш Роберт взял верх.

(Через много лет чувство, схожее с тем, какое вызвала победа Шавлакадзе в Риме, я испытал, услышав о Нобелевской премии Светланы Алексиевич, хорошо знакомой по журналу «Дружба народов», напечатавшему все ее документальные тексты).

Вблизи и воочию, в санатории «Спорт» и на стадионе «Динамо» я видел шестерых

«небожителей». Двоих из нашего «помета» – Туту и Андриюшу, я уже назвал. Рядом с ними завершали спортивный путь призеры хельсинкской Олимпиады Надежда Хныкина, Леван Санадзе и Нина Думбадзе.

Шестой небожительницей была Елена Гокиели; отзвук ее громких побед доносился из прошлого. Внешне Гокиели походила не на отчаянную барьеристку, лихо «стригущую» барьеры, а на светскую даму, более уместную в консерватории или в театральной ложе. Образ дамы создавала манера общения, непринужденная и изысканная.

Случайно оказавшись возле барьеристок, обступивших свою наставницу, я услышал, как она азартно втолковывала что-то ученицам и вдруг простодушно попросила: «Девочки, миленькие, ну пожалуйста, постарайтесь завтра! Вы меня знаете, я не уйду, пока хоть одна из вас меня не обгонит. Ну, хоть ты, Мериго! – обратилась она к худенькой смуглянке Мери Кочладзе. – Я устала, мне скоро тридцать шесть, а вы все бежите за мной, как утята...»

На следующий день в республиканском первенстве значился бег на 80 м с барьерами. Елена Гокиели вышла на старт – играющий тренер: небольшая, ладненькая, чуть пополневшая рядом с юными ученицами, в слишком тесных трико и слишком открытой безрукавке (такие в те годы позволяли себе только барьеристки), и опять опередила всех! На финише она весело обнимала своих учениц, шлепала их по попкам и, смеясь, говорила что-то. Она была наделена даром непосредственного общения со всеми. Даже с самой Ниной Думбадзе.

Но до Думбадзе несколько слов о двух блистательных спринтерах, гордости советского спорта послевоенных лет.

Размашистый бег длинноногой Нади Хныкиной почти не был слышен, разве что чуть похрустывала гаревая дорожка. Она неслась неслышно,

как лань. Некоторые тренеры находили, что она «сидит» во время бега – так на спортивном жаргоне определяют осанку бегуна, не до конца распрямляющего толчковую ногу, но ее тренер Борис Тахтаров находил это природной особенностью ученицы, не боролся с ней и, судя по результатам, был прав: кроме серебряной медали в Хельсинки на 200-метровке, Надя выиграла серебро в Мельбурне в прыжках в длину.

На пике известности она вышла замуж за неудачливого прыгуна в высоту и комсомольского активиста Анзора Двалишвили, со временем возглавившего грузинскую бригаду на БАМе. По магистрали ездить не доводилось, но от кого-то слышал, будто бы увеличенная свадебная фотография Анзора и Нади – бригадира и олимпийской медалистки, одно время висела в зале ожидания станции Ния-Грузинская.

В противоположность Хныкиной, бег Левана Санадзе был не просто слышен, а слышен издали: Леван несся по дорожке мощно, как разогнавшийся локомотив, или распаленный жеребец. Особенно он был хорош на двухсотметровке, при выходе с виража. Впечатляющее зрелище – бедра работают мощные, как поршни, рельефные икроножные мышцы до конца распрямляют толчковую ногу, голова чуть откинута, а лицо с выражением восторга и муки устремлено вперед... Санадзе не раз выигрывал спринт на первенстве Союза, а серебро Хельсинки получил в составе эстафетного квартета, значительно улучшившего всесоюзный рекорд. Образованный и речистый (кандидат экономических наук), со временем он станет видным функционером союзного спорткомитета.

И, наконец, о великой Нине Думбадзе.

Спорт, как и другие виды человеческой деятельности, изредка порождает людей уникальных, вне ряда, таких как Паганини и Рубинштейн, Шаляпин и Каллас. Не стану рас-

ширять артистический список, в котором мне особенно симпатичны Горовиц и Менухин. Параллель для спортсменов рискованная, но заостряющая мою мысль.

Жизнь показала, что и спорт порой дарит уникалов. Такими были Пааво Нурми и Джесси Оуэнс, а в игровых видах Ди Маджо и Чемберлен. О них я знаю понаслышке и по выцветшим кинокадрам. Воочию же видел Пеле и Месси, а из наших – Стрельцова и Месхи.

Помню еще репортаж о чудо-богатыре из Ирана, играючи победившем пузатых супертяжей-штангистов; юный перс единственный на моей памяти соответствовал метафорам народных сказаний о Манасе, Давиде Сасунском и Добрыне Никитиче.

Но вернуться в знакомый мне легкоатлетический цех. И в нем порой случаются чудеса. Помню, как, разинув рот, взирал на чудо-взлеты Бубки и Исинбаевой. Да и преемник их славы, блистательный Дюплантис не уступает предшественникам. Но как ни крути, нельзя не признать, что к чудо-рекордам шестовиков подмешана техника: фиберглассовый шест буквально катапультирует спортсмена. А мои товарищи по санаторию «Спорт» Вадим Венцкевич и Юра Марасалов, считавшиеся одаренными шестовиками, покоряли высоту с бамбуковым дрыном в руках и больно рушились с четырехметровой высоты не на пористую гору губчатого пенопласта, принимающего спортсмена в ласковые объятия, а на черствую смесь песка и опилок...

А вот полет над планкой кубинца Стамайора был естественным, беспримесным чудом: большое невесомое тело альбатроса зависло в воздухе и плавно скользнуло вниз... На время прыжка Стамайор отключил земное притяжение и оставил рекорд, на который с завистью и недоумением поглядывает пятое поколение честолобивых голенастых гордецов.

Последним уникалом, подаренным нам ушедшим тысячелетием, стал недогоняемый

Усейн Болт. Особенно он был убедителен на двухсотметровке: забавно было смотреть, как, выключившись за двадцать метров до финиша, он набегает на ленточку, а за ним, выпучив глаза, чешут сильнейшие спринтеры мира и не могут ни на дюйм сократить разрыв. А потом, скаля белые зубы и сверкая белками глаз, Болт изображал на беговой дорожке свой знак зодиака — Стрельца, целящегося в неведомое. Каким, в сущности, и был; впрочем, как все великие спортсмены.

Как и великая Нина Думбадзе.

Большинство перечисленных уникамов я видел мельком и издали. Нину Думбадзе я видел часто и вблизи.

Большая и красивая. Очень большая и очень красивая. Особенно это было видно, когда она стягивала тренировочный костюм: безупречно сложенная великанша. Ходил слух о замысле, чуть ли не о государственном проекте, изваять с нее монумент Родины. Искусствоведы, знатоки Возрождения, находили в ней сходство с большой Венерой Джорджоне, той, что возлежит поверх ландшафта, стекая от верхней рамы картины к нижней. Я же, впервые увидев на Ялтинской набережной близ «Ореанды» красавицу-чинару, уместную только у моря, тоже почему-то вспомнил Нину Думбадзе.

Между тем, она, как обыкновенная женщина, была замужем. Ее муж, Борис Дьячков, будучи выдающимся тренером, с первого взгляда увидел, какое чудо природы оказалось рядом с ним, и что этому чуду к лицу античность — метание диска, запечатленное в мраморе Мироном и Праксителем. На эллинов равнялся Дьячков, пестуя красавицу-грузинку, и преуспел сполна: два десятка лет Нина Думбадзе безраздельно царствовала в метании диска, устанавливая рекорд за рекордом. Во время лондонской Олимпиады 1948 года, в которой советские спортсмены не участвовали, результат Думбадзе был на 8 метров лучше синхронного результата олимпийской чемпионки; а ведь преимущество даже в 2 метра

считается подавляющим...

И вдруг катастрофа — Думбадзе проигрывает Олимпиаду в Хельсинки! В это невозможно поверить, но она даже не вторая, а третья!..

Ее ответ достойный: вскоре она бьет свой же мировой рекорд, причем сразу на четыре метра.

Казалось бы, пошатнувшийся трон возвращен, но ничто не заменит олимпийских лавров, для которых она была рождена: ведь к следующей олимпиаде ей будет почти под сорок, и никому, даже Нине Думбадзе, не дано победить время...

В тягбу со временем она вступила по-женски — родила сына, и не просто сына, а мальчика с необычными задатками. Многомудрый отец, наблюдая за подрастающим сыном, убеждался, что природа — через Нину — задала ему новую задачу: мальчик рос не по возрасту крупный, ширококостный, с длинными конечностями и большими ладонями. Нина досталась ему как алмаз, нуждающийся в огранке; с Юрой — так назвали сына — предстояла долгая работа. Для начала непомерный костяк следовало укрепить, обложить мышцами, затем вывести мальчика на стадион, разглядеть его спортивное предназначение, и только после этого приступить к огранке.

К четырнадцати годам Борис Дьячков уже знал, что сын будет десятиборцем. Но не заурядным мастером спорта, гордостью тбилисского инфизкульта, побеждающим на республиканских соревнованиях, и даже не чемпионом Союза, а таким десятиборцем, чей результат потрясет спортивный мир и надолго останется в таблице рекордов, словом — истинным потомком Нины Думбадзе.

В юности мы с Юрой приятельствовали. В первый раз я увидел его в Леселидзе в субтропических дебрях санатория «Спорт»: в гамаке под эвкалиптами лежал необычный отрок, большой, ширококостный, с нескладно

торчащими коленями и несоответственно большими ладонями. У него оказался неожиданный в грузинской среде московский говорок (кажется, по-грузински он не говорил вовсе), милый дефект речи, слишком сблизжающий «р» с «л», мечтательный взгляд и мягкая улыбка. Спортивный вундеркинд и наследный принц, он не чванился и не заносился, держался скромно, чуть не застенчиво. Помню, как однажды он озадачил меня, заметив со своей мягкой улыбкой: «Не пойму, как ты умудряешься смотреть на меня свысока...»

За десять лет Юра вырос — так в первоклассного десятиборца, дважды побеждавшего на чемпионатах СССР (для любого спортсмена предел мечтаний!), но честолобивых надежд отца он не оправдал и совестливо мучился этим до конца дней.

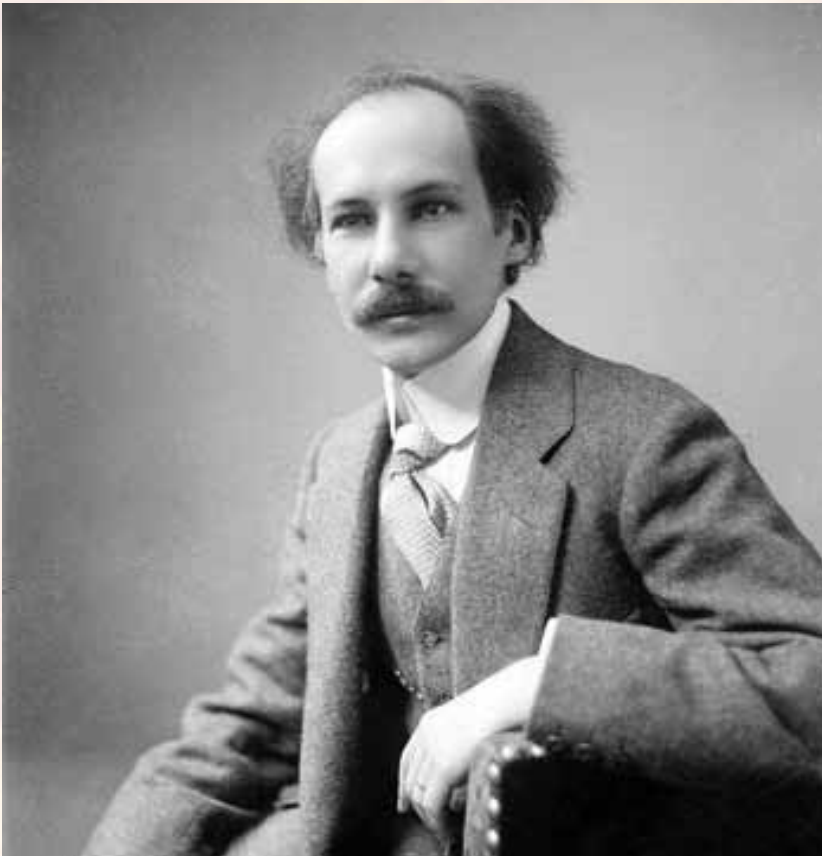
А конец выпал ему нелегкий — он умер в 1996 году, пятидесяти пяти лет от роду.

Тбилиси 96-го года — это кошмар. Это голод, холод, мрак и безысходность.

Исхудавший великан лежит на продавленном диване. Все, что в доме представляло ценность, продано — вплоть до спортивных кубков.

А обессиленный богатырь из другого времени. Он сын великой женщины, некогда олицетворявшей великую державу. Ее фотография над диваном тает в сумерках. Сумерки поглощают пустую комнату, продавленный диван и свернувшегося калачиком великана. Поза, в которой уснул Юра, называется утробной: кажется, что спасаясь от беды, он силится вернуться туда, где он был защищен и согрет...

Я ничего не знаю о кончине Юры Дьяčkова, кроме даты его смерти. Молю Бога, чтобы нарисованная мною картина оказалась фантазией, порожденной тбилисской травмой 90-х, — чтобы все было не так, как привиделось мне, разглядывающему следы прожитой жизни, чтобы милый Юра мирно упокоился рядом с великой матерью и многомудрым отцом.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ: ДУХОВНАЯ СВЯЗЬ С КАВКАЗОМ К 145-летию со дня рождения

■ Нинель МЕЛКАДЗЕ

Окончание

УЗОР ИЗ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Жизнь и творчество Бориса Бугаева – это сложный, многогранный узор, сплетенный из противоречий, мистицизма, бурных исканий и несомненного гения. «Символизм мне является конкретным синтезом двух меня разрывающих линий: моей тезы (мир науки) и моей антитезы (мир фантастики); в символизме ищу я сомкнуть ножницы двух линий жизни, двух противоречивых устремлений», – писал он. Для Белого поэт-символист – связующее звено между двумя мирами: земным и небесным. Отсюда и новая задача искусства: поэт должен стать не только художником, но и «органом мировой души, тайновидцем и тайнотворцем жизни». Оттого и считались особенно ценными прозрения, откровения, позволявшие по слабым отражениям представить себе иные миры.

Андрей Белый родился в Москве, в семье выдающегося математика Николая Бугаева (американские математики изучали русский язык специально для того, чтобы прочесть работы Бугаева). От отца он унаследовал склонность к философии и схемам, и эта склонность, по мнению Павла Флоренского, друга его юности, задавила в нем поэта. От матери – Александры Егоровой, ему достались музыкальные способности и сатирический склад ума. В 1891-1899 гг. Борис Бугаев учился в знаменитой частной мужской гимназии Л.И. Поливанова, которого он характеризовал как «гениального педагога». А. Белый воспитывался на музыке, хорошо играл на рояле, рисовал – универсализм был типичен для Серебряного века. С 15 лет начал писать стихи, лирическую прозу, фантастиче-

ские и сказочные произведения, драмы. Испытывая интерес к физике, химии и биологии, он с не меньшей силой увлекается искусством, проблемами философии и эстетики. В 1903 году окончил физико-математический факультет (где вместе с ним, курсом ниже, учился П. Флоренский), получив диплом 1-й степени, а в сентябре 1904 г. поступил на историко-филологический факультет. В 1906 году подал прошение об отчислении и начал заниматься исключительно литературой.

В 1903 г. А. Белый вместе с гимназическим товарищем Сергеем Соловьевым создает лит кружок «Аргонавты», в деятельности которого принимали участие близкие к символистам студенты университета, художники, философы, музыканты. «Аргонавтам» было свойственно символистское мироощущение, восприятие мира как «искусствоподобного» феномена. Годы спустя он сравнит свою поездку в Колхиду с путешествием аргонавтов: «Мы верили, что аргонавты причалят в страну «Золотого Руна»; двадцать лет плыли мы по идейным течениям, вдоль островов, очень многих редакций, нигде не задерживаясь, потому что мы плыли вперед и не верили в тихие пристани; но не приплыли, рассеялись к пристаням; я же – приплыл... в страну древнюю, в пламенную Колхиду; но странно, в потопной стране я нашел свой ландшафт. Наш Арго, наш Арго, Готовясь лететь, Золотыми крылами забил. ...Но вместо руна золотого мы ищем хорошеньких камушков; они – дороже руна; их орнамент открыл перспективу серьезных исканий; «Вперед, поворачивай, Арго». Колхида – лишь вежа».

Будущее культуры в их сознании связывалось с переоценкой ценностей науки, философии, религии, высшей целью которых должно стать преобразование жизни на духовных основах. Важнейшим путем к грядущему перерождению человечества считалось искусство. По силе своего воздействия и функциям в культуре оно сравнивалось с религией. Принадлежностью к философскому крылу русского символизма была обусловле-

Родители – Николай и Александра Бугаевы

на духовная близость друзей юности Павла Флоренского и Бориса Бугаева. У Флоренского обращение к науке было подчинено главной задаче – рассмотрению мира как единого целого под разными углами зрения. Научные интересы А. Белого проявились в его творчестве в виде синтеза научных и религиозных воззрений, а мировоззренческие позиции нашли отражение и в его теоретических статьях, и в художественных произведениях.

П. Флоренский писал: «В Андрее Белом были несомненные искры гениальности... Под гениальностью, в отличие от талантливости, я разумею способность видеть мир по новому и воплощать свои совершенно новые аспекты мира. Талантливость же есть способность работать по открытым гением аспектам и применять их. В жизни я встретил 3 человека, за которыми признал гениальность: Розанов, Белый, Вяч. Иванов. Гениальность есть особое качество, она м.б. большой и малой, равно как и талантливость. Не берусь судить, насколько велика гениальность этих людей, но знаю, что у них было это особое качество. Но Андрей Белый был совсем не талантлив, Розанов – мало талантлив, а В. Иванов обладал, при гениальности меньшей, большею талантливостью. Он сумел проникнуть изнутри в эллинизм и сделать его своим достоянием. Его познания очень значительны, и потому

он – поэт для немногих и всегда будет таковым: чтобы понимать его – надо много знать, ибо его поэзия есть вместе с тем и философия... Андрей Белый при своей гениальности отнюдь не был талантлив, пожалуй, даже был определенно неталантлив, и свои глубокие проникновения портил, т.к. у него не хватало способности оформить их соответственно высококачественно и не хватало наивной смелости дать их в сыром виде, без наукообразного оформления. Так погубил он свою гениальность, так погубил он свои произведения... В свои лучшие времена А. Белый мне представлялся Ариэлем, духом воздуха, сотканным из звуков золотой арфы, и восприятие им Мира было бездонно глубоко. Среди других людей тонких и по-своему глубоких, он пронесся, как дуновение горного ветра, всем отдаваясь и никем не задерживаемый. Но эти вибрации постепенно затягивались корою условных неуклюжих схем, под которыми он задыхался – и задохся. Ему хотелось быть не ребенком, а взрослым, и маски взрослых, которые он надевал на себя, его погубили».

«Хорошо, что ты стала читать А. Белого, это тебе поможет понять многое в музыке, как равным образом музыка поможет в понимании А. Белого, – читаем в письме П. Флоренского дочери. – Ведь у него важнейшее – это музыка. Лирика его преследует ритмическую и мелодическую

задачи, а большие вещи – контрапунктические и инструментальную... Впрочем, то, что я говорю о Белом, есть и общий закон всякого подлинно-творческого произведения, будет ли оно художественным, философским или научным, даже техническим. То, что рождается в душе как простая, неделимая точка, силовой центр, может осуществляться лишь в ряде связанных между собою и организованных, но различных и друг другу противоположных средств».

Для литераторов-младосимволистов были очень важны мотивы, связанные с отцом – «отец» как символ «высшего» начала, «смыслообразующая» величина. Эта тема пройдет лейтмотивом через всю жизнь Андрея Белого: «Есть у меня сон, перманентный; раз пять в год приснится; от 1903 года – доныне; я вижу: мы думали – умер отец; он же жив был: уехал к себе на Кавказ, свою родину; жил близ Душета; и вдруг – воротился; живет теперь там, где и умер (живет на Арбате, близ Денежного); а мы с мамой давно – на Пречистенке, в доме зеленом, который я знаю (угольный дом); когда иду этим местом, увидевши домик, себе говорю наяву: «Тут живем». И сейчас же себя обрываю: во сне; в этом доме зеленом я не был; по сну знаю расположение комнат; сюда, через Денежный, ходит отец мой: обедать у нас; я отсюда его провожаю до дома; целуюсь с ним; ясно, что плохо ему, что теперь он умрет в самом деле; всегда та же мысль появляется: как могли верить тогда, что он умер, как мог он, живя близ Душета, нас не известить о своем бытии. Вероятно, отъезд на Кавказ – трансплантация памяти в сон: перед кончиной отца мы должны были ехать вдвоем на Кавказ... Странствую в снах: манит Кавказ...»

Весной 1927 г. Андрей Белый решил воплотить зов души и совершить путешествие на Кавказ. Это путешествие было частью его способа самопознания как художника, а также стремления открыть для себя геокультуру *terra incognita*. Маршрут поездки: Москва – Батум – Тифлис – Военно-Грузинская дорога – Волга. Свое паломничество

Андрей Белый начал с древней Колхиды – Аджаристана, где провел свои детские годы в «ненасытном» созерцании моря в поисках чуда друг его юности Павел Флоренский. «В горах, прекраснее всех стран, Раскинут наш Аджаристан. Слоновокостный там самшит Земля приморская родит, Над морем, среброгруд, баклан Прорежет утренний туман, И облачных закатных туч Края зажжет последний луч Смарагдным светом. Вечных дум Предмет моих – родной Батум. Шумит там море, и в волнах, В их контрапункте слышен Бах, Когда сардоникс и агат Волной влекомые гремят» (Из поэмы Павла Флоренского «Оро»). Море никогда не могло наскучить Флоренскому, потому что давало ощущение близости чуда. Каждое утро летом в Батуми вместе со своей сестрой Люсей Павлик отправлялся на море, где они целыми днями возились в мелком гравии у воды в поисках драгоценностей: голубых халцедонов, агатов, топазов и красных сердоликов. Но самые счастливые дни были после штормов, когда в выброшенных на берег водорослях можно было найти серебристые раковины – «Тогда радости не было конца, – писал Флоренский, – я переполнялся волнением, сердце билось так, что, казалось, готово выскочить». Павел Флоренский стал одним из самых ярких представителей поколения Серебряного века. По словам исследователя Б. Прокудина, он осуществил почти небывалый синтез науки, философии и богословия, который был основан на вере в чудеса; он был одновременно богословом и естествоиспытателем, видящим за непреложностью физических законов красоту божественного замысла. Можно предположить, что вышеизложенное стало первопричиной начала поиска А. Белым этого чуда на черноморском побережье Аджарии. Они с Клавдией поселяются в местечке Цихисдзири в окрестностях Батуми, осматривают красоты кавказской природы, читают, размышляют, беседуют... Ключевой темой их бесед на протяжении всего путешествия по Кавказу оставалась антропософия. Как про-

должение поиска чуда юного П. Флоренского воспринимаются размышления А. Белого у аджарского побережья Черного моря: «В сиденье у моря – часы летят; занят всем этим: оттенками, камушками, стадом коз, проходящих по берегу, и разговором с рогатым, таким крючконосыйм аджарцем с глазами ребенка, которому ты поднесешь папиросу. А выборы камушков? Вовсе не легкое дело. Тут сметка нужна, нужен глаз, чтоб расценка оттенков, отбор их был правилен: каждый прибой прибавляет свой цвет; надо зренье, чтоб видеть сегодняшней стиль дара моря; его уже завтра не будет; лови момент: камушек этот вот, именно этот; ведь больше не будет таких». Он провел здесь несколько весенне-летних месяцев и начал писать дневник-тревелог. По его словам, такая форма оказалась единственно возможной, которую можно было использовать, находясь в Цихисдзири – от того, чтобы работать над чем-то, не связанным с местом, отвлекал окружающий субтропический пейзаж. Его грузинские впечатления вошли в книгу «Ветер с Кавказа». Так как книга появилась *post factum*, чтобы не придавать ей искусственности, он положил в ее основу свой личный дневник, используя точный рациональный язык, создавая неологизмы и сложные синтаксические конструкции: «Цихис-Дзири дает все, что нужно для отдыха; линии гор, уходящие в воздух, зовут к растворенью с землей; и в этом месте возникает курорт; ситуация вилл, занимающих гребни холмов, – превосходна; от всех четырех сторон виллы ныряют в висающие гущи, пестримые цветом, к журчащим серебристо, но сверху не видным ущельям, заросшим лианами и рододендрами; нет и не может быть тесности: некуда ставить построек; вершина холма, – и с вершины: обрывины; смело с веранды ведем переключку с соседом, сидящим – рукой подать; с ним из-под листьев веранды ведем разговор; но попробуй взобраться к соседу; сперва опускайся к ущелью, чтоб там, повинтив по дороге минут эдак десять, остаться у входа в соседнюю

дачу; отсюда придется минут эдак пять прокарабкаться; дача, которая кажется – рядом, отрезана долгой ходьбою; в ярчайших чашобах дороги – ни дач, ни строения, кажется – дичь непролазная, где лишь шакалы, не люди; покой, сырота, гущина и винты затененной дороги; не выскочит ли из расселины горец? Вдруг, в непроходимейшем месте – и щебет, и смех: это резвятся дети невидные; смех их погаснет; молчание; взберись в эти чащи, покажется крыша, дымок, апельсинники, красный песочек дорожки; безлюдно, а люди – везде. Парадокс сочетания флор: наша флора представлена полностью; сосны, и липы, и тополи; флора Италии чуть ли не полностью – тут же: магнолии, лавр, кипарисы, апельсин, мандарин; сицилийская флора есть тоже; Япония – тут: криптомерии, множество странных изысканных хвой; Палестина и Сирия – здесь и Ливанские кедры, и лилий жезлы; в это все ворвался крик экзотик: и пальмы, и кактусы; свой лист поднимает банан; как бурьян, через все выпирает бамбук; австралийская флора стоит эвкалиптом, драценами; американская флора... Какая еще? Уже я не стою, раскрыв рот, пред каскадом соцветий – схватка лилового цвета и пламени почв еще третьего дня удивляла... Сами аджарцы – в коричнево-сером, а то в черно-сером: в пестрейших, в теплейших носках; ржаво красные пятна аджарок, их черные буйволы... Знаю: орнамент аджарских платков повторяет орнамент сложения камушков пляжа (и ночью, и днями скрежещет камнями прибой); как и всюду: культура народа по новому преобразует мотивы природы; мотив всех мотивов: рогатый аджарец идет по дороге с гортанною песней; та песня есть импровизация; что он увидит и переживет, превращается в песню. Легко мне под звуки: устал я от думы; и думается (а аджарцу поется) о том, что я вижу; что я увижу, о том и подумаю... за волною – волна; как и мысль – без конца, без начала; в лицо – иодом пахнущий ветер; а в трех саженьях от камней под поверхностью моря дельфин; поднялась на мгновенье огром-

Андрей Белый

Павел Флоренский

ная, черная морда, прошел над серебрино-зеленоватою влагою черный плавник на дуге безголового, будто бесхвостого тела, ушел; всплеск большого хвоста. Нет его. Так вот я: что увидишь, о том и помыслишь; глаза проглядел; их закроешь — рябь камушков. Каменной болезнью болею; коробочки: в них — лежат камни».

Из Цихисдзири Белый уезжает в Тифлис. «Чарующа эта часть Грузии: тихой своей простотой; простота же — предел изощрения... Эти места — отмелькают; пусть я ничего не узнаю от Грузии: чередование спокойных зеленых долин, окаймленных сработанным росчерком линий рельефов, мне свяжутся с милыми, сердцу знакомыми строчками: «Не пой, красавица, при мне Ты песен Грузии печальной: Напоминают мне оне Другую жизнь и берег дальний». Тот берег есть берег времен; это история длиною лентой разворачивает свои сменя картины; льется кровь; цитадели культуры штурмуются дикими ордами вновь проходящих народов; кровь Грузии — старое очень вино, настоявшееся на глубоких страданиях; и вот отчего: «Ты не пой мне, красавица, песен своих». Да, мы поняли: местности эти — точнейшие ноты. И вся Грузия — песня: мотив — благороден; слова — очень строги и очень грустны».

В своей на грани гротеска манере, живописно и динамично описывает А. Белый дни, прожитые в Тифлисе: поездки по

городу и окрестностям с Тицианом Табидзе и Паоло Яшвили на предоставленном «гостеприимным Союзом грузинских писателей такси», ущелья узеньких улиц, бег по музеям, знакомство с достопримечательностями, с людьми, нескончаемые застолья. А. Белый вспоминает: «На балкончике сдвинули столики; есть подают: заливаемся пеной сердечных речей; говорят то Табидзе с Яшвили, то я, перекидывая наши мысли застольные, как подаваемый мячик; летают они, легколетны и тихи: Табидзе же — наш председатель, всему дает тон; слово за слово, главка за главкою: повесть проходит — история литературы грузинской, живые портреты уже современных поэтов, с которыми я познакомился только что; нет, не беседа, а лекция. Дружно сдвигаем бокалы: под звон их встаем: — Ну, пора. И — летим на Тифлис».

Разговоры об особости и сакральности Тифлиса А. Белый и К. Васильева ведут у подножия монастыря св. Давида, по словам Грибоедова, «самой пиитической принадлежности Тифлиса». «Взгляд последний — на город от монастыря, где лежит Грибоедов убитый (там памятник, с надписью); чудное место: уютное, тихое; город — внизу; горб Давида отвесом взлетает», — пишет А. Белый. «Посидели задумчиво у церкви, где погребен Грибоедов. Говорили опять о Тифлисе. Да, он неспроста. И недаром росла в нем Блаватская», — вторит

ему К. Васильева. В памяти А. Белого всплывают строчки из письма П. Флоренского: «Тут, в Тифлисе, после заката солнца бывает иногда особое небо; такого нигде не видал. Какое-то будто прозрачное, твердое, почти бесцветное, а за ним будто пламена далеко-далеко. Мне вспоминается «стеклянное море, смешанное с огнем», и это было бы для нашего неба лучшим описанием». В начале июля в сопровождении группы местных поэтов они едут из Тифлиса во Владикавказ: «Нас с собой забирают писатели: это экскурсия к Владикавказу; нам — случай счастливый; маршрут наш и так ведь — туда, чтоб по Волге — домой».

Перевал через Большой Кавказский хребет произвел ошеломляющее впечатление на Андрея Белого: «А за Перевалом — обрыв; впечатление — прыга внезапного; сюда Прометей перекинуть сумел унесенный огонь; огонь — вспыхнул, разнесся: пожарилась местность... Из необитаемых высей слетает в обитель людей, но — иных. Тут — встрясы народностей, почвы, пород первородных, вод, климатов, бытов. Горы точно шатаются: красные, пестрые, бронзовые; песчаники, лессы — исчезли; высоты — кривые: соборы, драконы и башни, охватывая, начинают кричать благим матом... не Пушкин в природе; господствуют: Лермонтов, Врубель; отсюда до самого Владикавказа пошел стиль готический; легкий зигзаг, стилизованный, переменился на кривоизогнутую линию с нагромождением фигур, барельефов резьбы, мозаических ликов, цветных инкрустаций. Раствор колоритов пород в колоритах небесности; монофонический голос, пропевший холмами, — иссяк; все наполнилось полифоническим гулом: хребты, как десятки органов, звучат удивительно: пересечением Баха и Скрябина; что светило культурой небесных оттенков, то стало культурой тяжелых пород». Андрей Белый со своей спутницей у подножия Казбека пережили самые глубокие мистические эмоции за все их путешествие по Кавказу. Вид могучего заснеженного исполина потряс поэта: «Казбек! Красота — красотой: не

она, а – явление смыслов, градация их, в гамме граней земли, потому что Казбек есть гигантский ритмический жест, данный в паузе неба и воздуха; стоит тишина глубины; в ее горние недра слепительным вспрыгом ряд ясных зигзагов взлетел, пересекаясь в целое. Целое – конус Казбека, являющий не равновесие косной земли, а разверт силовой. Дышит точно гармонией сил; не ландшафт, а система космических мыслей». Андрей Белый описывает из ряда вон выходящее видение, которое они созерцали: «Но что ж это? Даже мурашки прошли. В освещении вечера, непроизвольно слагаясь по-новому из уже сложенных граней, пред нами явилось лицо; в нашей памяти мигом угасли известные лики: да, ни «Моисей» Микель-Анджело, ни «Иоанн» Леонардо не смогут чертами лица передать этот взгляд. Что они? Лишь «эскизы» ничтожные перед – вот этим». Из дневника К. Васильевой: «И слышу в ту же минуту: «Смотрите, смотрите, – лицо!» Б.Н. потрясенный глядит на меня. Мы оба глядим на Казбек. И умолкаем. Начинается невыразимое никакими словами. Говорит безмолвие. Мы внимаем ему. Кто не слышал этих речей, тому не расскажешь. Одно, лишь одно остается в душе: как бы хотела я сохранить и пронести сквозь всю жизнь память об этом мгновении. И как благодарна за то, что оно было. Б.Н. записал это в дневник, назвавши «виденьем Казбека». Белый старец... космический Серафим. Встретил нас на горах».

Роман Нутрихин, ученый и краевед, исследуя антропософские путешествия на Кавказ Андрея Белого, отмечал, что для русских антропософов и теософов Кавказ (с его грандиозными природными видами, богатой геологией со сверкающей россыпью редких минералов, связью с античной мифологией и собственной глубокой архаикой, сохранившей здесь поражающие воображение обычаи и образы, художественные образы и символы, верования и суеверия, впечатляющие археологические памятники и артефакты) был сакральным местом, притягивавшим их к себе как магнит.

С Кавказом были связаны такие выдающиеся русские мистики, как основоположница мирового теософского движения Е. П. Блаватская и создавший на основе ее доктрины собственную эзотерическую систему Н. К. Рерих, а вслед за ними многие увлекавшиеся эзотеризмом писатели и художники. Неудивительно, что эту традицию продолжил и Андрей Белый, всецело отдавшись мистическому очарованию Кавказских гор.

Андрей Белый писал: «Начал я с Греции и неожиданно врылся в историю Средневековья, в историю преи; кончил странно – историей точных наук: математики, физики, химии; как-то по-новому встала проблема науки (подход исторический); перепроверка студенческих знаний возникла (я все же – естественник); вперся в проблему материи: с картезианства до Бора... Я слишком учился последние годы; был нужен показ; и Кавказ – показал; через камни по-новому минералогия встала; а через породы приблизилась вдруг геология; к минералогии и к геологии сонно отнесся я некогда; перевлеклось внимание – химией, физикой... Из Кучинских уединений почувствовал зов на Кавказ, будто что-то узнать было нужно. Узнал: в цвете почв, в цвете воздуха, в камушках, в листиках, в переплетенье орнаментов».

В мае 1928 г. московский журнал «Красная новь» заказал Андрею Белому очерк об Армении. Сопровождал его в поездке по Армении Мартирос Сарьян, который, по словам Андрея Белого, «твердеющим резцом в мою душу Армению врезал». Безмерная древность «глубочайше задела и зрительно, и познавательно»: «Кавказ – безумно древен, древне-культурен. Голова кружится от хоровода веков, что чувствуется в Армении, где пробыли лишь неделю, но устали безумно от 40 столетий. Вообще Кавказ – школа для познания. Отдохнуть на Кавказе трудно, имея воображение».

Писатель побывал на Кавказе и в Закавказье трижды – в 1927, 1928 и 1929 гг., провел там в общей сложности около 11 месяцев, получил широкую

гамму впечатлений от природных ландшафтов до культурно-исторических памятников. Андрей Белый вновь засобиравшись на Кавказ – писать настоящую книгу о Кавказе. К весне 1931 г. грузинские писатели сняли для него комнаты в Авчала – пригороде Тифлиса, но поездка по ряду причин не состоялась; задуманная книга о Кавказе так и не была написана.

А. Белый умел предсказывать будущее. В 1903 году он предсказал собственную смерть «от солнца». Так, в общем-то, и произошло: спустя три десятилетия он умер от кровоизлияния в мозг – последствия солнечного удара... Смерть писателя в 1934 году современники восприняли как завершение целой эпохи. Но при этом они оставляли глубокий след в творчестве многих способствуя появлению так называемой «орнаментальной прозы».

Из письма Павла Флоренского сыну Василию от 12 февраля 1934 года: «Это время мы, т.е. несколько человек, знающих и ценящих поэзию, много вспоминали Андрея Белого в связи с дошедшими до нас газетными известиями об его кончине. Правда, я много лет его не видел, но воспоминания юности, когда я знал его хорошо и когда он был в расцвете своих дарований, так живы, что как будто это было несколько недель тому назад. Я даже доволен, что не встречался с ним в последние годы, бывавшие для него годами упадка, болезни и старения. Вероятно, новые, менее светлые впечатления загладили бы старые и старый его облик, с каким он останется в моем сознании. Мы жалеем только, что нечего почитать из его прежних произведений, которых здесь ни у кого нет, и что приходится довольствоваться жалкими обрывками, сохранившимися в памяти; но не сохранилось почти ничего цельного, хотя когда-то я знал немало. Вот, значит, порвалась еще одна нить, связавшая меня с годами юности».

И еще, из письма отца Павла жене: «Я знал его с лучшей стороны, и память о нем останется светлой и белой».

НИКО МУСХЕЛИШВИЛИ

■ Омар ШУДРА

Погожий тбилисский день. Центральный рынок. Перед торговцем саженцами стоит высокий худощавый мужчина лет 70, вместе со своим сыном. Он ищет саженцы смородины для дачи. Трудяга-крестьянин быстро отбирает нужные побеги. «По-моему, это крыжовник, а не смородина», — деликатно замечает мужчина. — «Говорю тебе, смородина, — уверенно отвечает крестьянин. — Я же не академик Мухелишвили, всю жизнь в деревне живу». Мужчина молча улыбнулся, подмигнул сыну и купил саженцы. А через год его сын Гурам (мой коллега, физик, человек высокой культуры) убедился, что его отец, президент Академии наук СССР Нико Мухелишвили, оказался прав в этом споре.

Известность ученого выросла после запуска первого в мире искусственного спутника Земли 4 октября 1957 г., когда в центральной газете страны «Правда» была опубликована статья президента АН СССР А. Несмеянова. Там, в частности, говорилось: «Решение многих задач новой техники оказывается невозможным без создания прочных конструкций, обладающих наименьшим весом... Особо отметим вклад в теорию упругости Грузинской Академии наук в лице Н.И. Мухелишвили и его

школы».

Нико Мухелишвили родился 16 февраля 1891 г. в Тбилиси, в семье военного инженера Ивана Мухелишвили (впоследствии генерал-майора). Мама, Дарья Сагинашвили, обучала сына языкам, отец — математике. Нико окончил 2-ю тбилисскую гимназию, физико-математический факультет Петроградского университета (с отличием), преподавал высшую математику и механику в вузах Петрограда, а в 1920 г. вернулся в Тбилиси и начал работать в ТГУ.

В 1923 г. он женился на дочери знаменитого общественного деятеля Нико Николадзе — Тамаре. Она была выдающимся педагогом, ученым-физиологом, доцентом. А еще — одной из первых женщин-спортсменок Грузии, в 1923 г. заняла первые места на соревнованиях по гребле в Лондоне. В юности вместе с сестрой Русудан в революционном Петрограде добровольно помогала в качестве телефонистки в Смольном самому... Ленину. Тамара скончалась в 46 лет, сыну Гураму было тогда 15...

Мухелишвили стал одним из инициаторов основания политехнического факультета при ТГУ, на базе которого впоследствии был создан Грузинский политехнический институт. В 1933 г. по его инициативе при ТГУ был организован НИИ математики, физики и механики, после основания АН СССР в феврале 1941 г. — Институт математики им. А. Размадзе. Велика заслуга ученого в деле создания АН республики, бессменным президентом которой он был со дня основания на протяжении почти 30 лет (в последние четыре года жизни — почетный президент). В 1939 г. Николая Ивановича избрали действительным членом АН СССР, вместе с Ив. Бериташвили и Ив. Джавахишвили. В эти же годы он работал и в Математическом институте АН СССР в Москве. В марте 1941 г. за фундаментальную монографию «Некоторые основные задачи математической теории упругости» (второе издание) Мухелишвили получил Сталинскую премию I степени. В 1945 г. ему было присвоено звание Героя Социалистического труда, а в 1947 г. — вторая Ста-

линская премия за монографию «Сингулярные интегральные уравнения».

Академик Н.И. Жуковский говорил, что в математике есть своя красота, как в живописи и поэзии. Специалисты отмечают такую красоту в трудах Мухелишвили. Его исследования создали ученому мировое имя, а их результаты вошли в учебники и известны далеко за пределами Грузии.

Мухелишвили создал большую школу математиков. Самый знаменитый из его учеников Илья Векуа всю жизнь почитал своего учителя. При этом Николай Иванович пользовался огромным авторитетом не только как ученый, но и как человек. Я сам был свидетелем того, как он завораживал аудиторию простотой и скромностью, человечностью и мудростью... Чувство юмора и покладистый характер помогли ему перенести неприятности (почти опалу) в последние годы жизни Сталина, когда коллеги-завистники убедили высшее руководство наказать Н. Мухелишвили и И. Векуа партийным выговором за «ошибки в выдвижении кадров». И в 1951 г., на 10-летнем юбилее АН ГССР, никто не поздравил ее президента с 60-летием... И. Векуа, глубоко оскорбленный несправедливостью, надолго покинул Грузию.

Интересы Мухелишвили не ограничивались наукой. Он был заядлым охотником. Очень любил своего английского сеттера. Знал наизусть всю поэму Руставели. Мастерил игрушки для любимой внучки. Разбирался в винах (предпочитал «Циндали»), любил застолье. Курил нещадно, несмотря на жесткие ограничения врачей. Все удивлялись, что рафинированный интеллигент не менял своего неотесанного водителя. «Зато всегда выкладывает всю правду», — объяснял академик. Ценил хорошую шутку и нередко подтрунивал над своими чопорными коллегами... Яркий был человек.

Умер славный сын Грузии в 1976 г. после тяжелой болезни в возрасте 85 лет. Прощание с Н.И. Мухелишвили прошло в Тбилисском университете им. Ив. Джавахишвили. Ученый похоронен в Пантеоне на горе Мтацминда.

Сергей Марков

ГОРЕНЬЕ РУССКОЙ ДУШИ

— Артем КОМАРОВ

Сергей Алексеевич Марков многим известен как первый русский биограф великого колумбийца Габриэля Гарсиа Маркеса, хотя его творческие интересы были намного шире. Марков — выдающееся явление в журналистике и литературе. Он сам создавал мир, в котором жили его герои, его образы, его сюжеты.

Сергей родился в семье Алексея Маркова — поэта, переводчика, фронтовика. «Алексей прямо говорил и писал то, что «умники» предпочитали шепотком сообщать друг другу под коньячок и рыбку, — вспоминал писатель Евгений Попов. — Все написанное им актуально до сих пор хотя бы потому, что до сих пор вызывает споры». Путь Алексея Маркова в литературе стал началом того долгого пути, по которому затем прошел его знаменитый сын.

Сергей Марков учился на факультете журналистики вместе с Е. Альбац, А. Мальгиным, И. Свинаренко. Его способности и увлечения были очень разно-

образны. Он играл в студенческом театре под руководством Романа Виктюка, занимался современным пятиборьем и футболом. Начав карьеру в советских газетах и журналах, быстро нашел свой, цепляющий, стиль: умел писать о событиях через судьбы людей. Нужный

эффект достигался еще и тем, что все им написанное всегда было правдой и ничем, кроме правды. Это были настоящие истории с живыми героями. Во времена, когда журналистика часто сводилась к сухим отчетам, Сергей Марков делал ее по-настоящему художественной и красочной. Конечно, в таком стиле работали и другие журналисты той поры, но статьи Маркова выглядели по-особому.

Важную роль в его биографии сыграла Куба. Там он учился в Гаванском университете, работал корреспондентом, общался с крупнейшими писателями Латинской Америки. Сергей свободно владел английским, испанским и шведскими языками, что открывало ему двери в самые труднодоступные кабинеты. Именно Марков брал в свое время интервью у Хулио Кортасара, Николаса Гильена, Пако Де Лусии, Алехо Карпентьера. Аргентинцы, кубинцы, испанцы — все находились в поле зрения талантливого журналиста. Для советского читателя это было окно в совсем другой мир — незнакомый и экзотический.

Знаковым событием в судьбе Маркова стала встреча с Маркесом. «Я совершенно случайно познакомился с ним в Доме Америки в Гаване, где был студентом Гаванского университета, — рассказывал Сергей Алексеевич в одном из интервью. — Самое начало

80-х, я начинающий журналист, жадный до встреч. Писателю тогда было чуть больше сорока. Выпил я коктейля для храбрости и, подойдя к нему, имел наглость заявить, что я – советский журналист и очень хотел бы взять у него интервью. Он с изумлением, но с интересом посмотрел на меня, прощупывающим взглядом оценил – и я ему чем-то понравился, наверное, дерзостью. И Маркес назначил встречу. Это была для меня большая удача. Вообще-то если Габо (так часто звали Маркеса на родине) человек интересен, он продолжит разговор, а если нет – все, глаза тухнут, и его безрезультатно донимать расспросы, как бы ты ни старался».

Потом Сергей Алексеевич напишет несколько биографических книг о Маркесе и переведет на русский язык его воспоминания «Жить, чтобы рассказывать о жизни», повести «Палая листва», «Проклятое время», рассказы, сборник публичных выступлений колумбийского классика. Главное – Марков знал Маркеса не только как писателя, но и как обычного человека, а это давало больший угол обзора для создания достоверного портрета.

«Изучая творчество Маркеса, – говорил Марков, – я пришел к совершенно неожиданному выводу. Латиноамериканцы

и русские похожи друг на друга фантастическим образом. Живем на разных концах земли, но у нас и латиноамериканцев это в крови – сентиментальность, откровенность, влюбчивость».

Уверенно можно сказать, что своим кропотливым, подвижническим трудом Сергей Марков заложил основу русского маркесоведения.

На рубеже 90-х Марков занялся издательской деятельностью. Его журналы «Вояж», «Путешественник» и ряд других показывали новую Россию – страну, которая, после падения «железного занавеса», открывала для себя мир, училась путешествовать и смотреть на мир широко и свободно. Издания, руководимые Марковым, сформировали жанр travel-журналистики на постсоветском пространстве. И даже сегодня его журналы выглядят ультра-современными – а прошло-то уже более 30 лет!

Литературное наследие Маркова – это повести, рассказы, киносценарии. Как биограф он писал не только о Маркесе. Его волновали фигура Аристотеля Онассиса, судьба Михаила Ульянова (добавим, что на протяжении восьми лет Марков был зятем великого артиста). Он видел в своих героях не просто бронзовые изваяния, если так можно выразиться, но живых

людей со своими слабостями, сомнениями, внутренней драмой. Именно это делало портреты его героев очень яркими, жизненными, цельными.

Сергея Маркова можно назвать «человеком, который объединял» – объединял филологию и журналистику, журналистику и литературу, документ и художественное произведение, локальное и мировое. Казалось, ему было подвластно все. Неслучайно еще в 1981 году проницательный Юрий Нагибин разглядел талант молодого автора и дал ему самую высокую оценку: «Надо сказать, что для начинающего у него весьма крепкая и уверенная рука. Он вызрел где-то в тишине и явился на суд людской с рассказами вполне профессиональными, в которых при всем желании не обнаружишь тех явных промахов незрелости, что так облегчают разбор молодой прозы и гарантируют необходимую роль назидательности. Сергей Марков талантлив, но талант его не умиляет своей непричесанностью, чередованием взлетов и падений, мудрых озарений, внезапных находок и наивных оплошностей, ребяческих промахов. Нет, молодой автор подчинил свой дар строгой внутренней дисциплине и уверенно заставляет его служить своим художественным целям».

Сергей Марков относится к тем авторам, чьи тексты продолжают волновать: их читают не только как документальное свидетельство времени, но и как подлинную литературу. Только настоящий писатель мог так написать: «Благословенны просторы отчизны, занесенной снегами! Любезен сыновнему сердцу вид рябины, склонившейся над алмазным сугробом. Разрой снежный холм – и найдешь в его недрах кисть осенних ягод. Полежав в снегу, они обрели большую прелесть. Снег и мороз не смогли погубить их. Подобна им и русская душа. Суровая метель замедляет ее. Борей леденит своим дыханием, но она горит алой рябиной на белом сугробе. Не вечны ни снега, ни вьюги – бессмертно горенье русской души».

Артем Киракозов

У НАС, В «ОБВОДНОМ ПЕРЕУЛКЕ»

■ Артем КИРАКОЗОВ

В молодые годы мне нередко доводилось работать музыкантом в разных драматических театрах. Сначала – в оркестре театра имени Руставели. Там я играл на ударных инструментах в знаменитой «Хануме» Роберта Стуруа. Дирижировал Леван Оганезов, а музыкальную часть театра возглавлял Гия Канчели, автор музыки к спектаклю. Затем – в спектакле Михаила Туманишвили по пьесе Поликарпе Какабадзе «Свадьба колхозника». Престарелый автор, сидевший на премьере в ложе,

пришел в восторг от одной находки: по ходу действия мы, несколько музыкантов, незаметно поднялись из оркестровой ямы за кулисы, костюмеры нас быстро переодели, и на сцену вышел деревенский оркестрик, которым «дирижировал» актер Дато Папуашвили. Наше комичное поведение вызвало большое оживление публики и легкую ревность некоторых актеров. Они даже пожаловались потом Михаилу Ивановичу, что музыканты отвлекают внимание зрителей на себя, и режиссер попросил нас поубавить рвение.

Позже я сотрудничал с Метехским театром в «Трехгрошовой опере» (режиссер Татьяна Бухбиндер), с Грибоедовским – в спектакле «Сон в летнюю ночь» (режиссер Сандро Товстоногов), с театром музкомедии...

Однажды один из режиссеров тбилисского армянского театра посетовал, что нынче почти никто не пишет пьес на современную тему, как это было во времена Сундукяна, Туманяна, Ширванзаде... И я решился написать свою первую пьесу – «Будем надеяться». Она сразу же, как говорится, пошла по рукам в Тбилиси, позднее была опубликована в ереванском журнале «Драматургия» (редактор Карине Ходикян, перевод Гисане Овсепян). Однако, когда речь зашла о постановке, профессиональные режиссеры, к которым я обратился, запросили, увы, неподъемный для меня гонорар. Так дело и застыло.

Прошло время, и вдруг мне предложили сыграть крохотную роль в финале любительского спектакля. Я отнесся к предложению очень серьезно, постарался по-своему осмыслить образ моего героя, и моя трактовка пришлась по вкусу всей труппе. Но режиссер почему-то убрал этот эпизод и оставил лишь короткую реплику моего персонажа, которую поручил произнести одному из актеров. На нее зрители даже не обратили внимания. Это так меня раззадорило, что я основательно задумался о том, чтобы самому стать постановщиком, и даже проштудировал целый ряд учебных пособий по режиссуре и актерскому мастерству.

В то время я часто пересекался с ветераном одного из тбилисских театров – актером, более полувека служившим своему храму искусства и очень тяжело переживавшим смену поколений. Именно этот человек вдохновил меня написать пьесу «Антреприза для атташе» и самому ее поставить, пригласив к участию моих добрых знакомых – актеров-любителей. Одну из ролей я, не найдя подходящего исполнителя, рискнул взвалить на себя. Премьера состоялась на летней сцене в «Кавказском доме» благодаря безвозмезд-

Артэм Геворкович Киракозов и Мария Николаевна Марцвалова

ной поддержке директора Наиры Гелашвили и менеджера Ники Джинчарадзе (светлая ему память!), а затем – в театральном зале Литературного музея, спасибо его тогдашнему директору Лаше Бакрадзе.

С тех пор прошло более десяти лет, на моем счету уже шесть постановок, написанных мною пьес на современные и, как мне видится, актуальные темы, которые мы сыграли и на сцене моего арт-салона «Обводный переулок», и на других площадках. Таковы итоги моего «театрального романа» на сегодняшний день.

А теперь – о самом Обводном переулке. Если история Обводного канала в Санкт-Петербурге подробно описана, то в Тбилиси едва ли найдется много людей, хорошо знающих прошлое Обводного переулочка. Он уже дважды менял название: сперва стал Орхевской улицей, а ныне носит имя актера и режиссера Гии Бадридзе, который, правда, вряд ли когда-либо сворачивал в этот кривой закоулок у подъема Елены Ахвледиани.

Именно здесь, в доме № 5, я и родился, а до меня – мой отец, Григорий Артэмович Киракозов, а до него – его отец. Мой дед, Артэм Геворкович, дружил с классиком армянской литерату-

ры Нар-Досом, жившим по соседству. Увы, если в Армении в честь писателя названы улицы и школы, то в Тбилиси, где Нар-Дос родился и прожил всю жизнь, так и не удосужились установить хотя бы скромную мемориальную доску на его доме.

Почти в двух шагах от нашего дома находилось губернское жандармское управление, в котором после революции 1917

года были казармы немецких, а затем английских солдат. По сей день старожилы называют этот околоток Казарменным. В советский период и некоторое время после него здесь располагалась ГАИ, затем на этом месте возвели резиденцию президента Грузии...

Итак, дому №5 более двухсот лет. Это дом «с секретом» – с фасада и с обратной стороны он выглядит по-разному. Представьте: вы входите в дом, по крутой лестнице спускаетесь вниз, казалось бы, – в глубокий подвал, и вдруг оказывается... на втором этаже здания, из окна которого в ясную погоду открывается роскошный вид на гору Казбек.

Многое помнят здешние стены! После установления советской власти в подвале промышляли так называемые «тайные бойнисты». В городе держали немало крупного рогатого скота, и для его убоя строго предписывалось отправлять животных в городскую скотобойню в районе Навтлуги. Но для некоторых жителей обходить закон было обычным делом – подвал дома №5 оказался весьма подходящим для тайного промысла.

Во время Второй мировой войны здесь на годы обосновалась семья беженцев из Ростова. В период перестройки помещение заняли кооператоры,

Джованни Вепхвадзе, Артем Киракозов, Григорий Арутюнян

а в трудные девяностые здание уже обветшало, за ним никто не ухаживал. Хотя на двери висел замок, местная шпана проделала в подвале дыру и превратила помещение в воровской притон. Довелось пройти через сложный период, когда от нас, угрожая, требовали продать эту площадь или сдать в аренду. Что было делать? Пришлось собственными руками приводить дом в порядок: средств, чтобы нанять рабочих и обеспечить их стройматериалами, просто не было.

Постепенно помещение стало обретать нормальный вид. В один прекрасный день, обновляя облупившуюся на одном участке стены штукатурку, я вдруг обнаружил там нишу и остатки старинного камина... Вот тогда-то сами собой пришли на ум строчки: «Старик посмотрел на корову свою: – Зачем я, Буренка, тебя продаю? Корову свою не продам никому. Такая скотина нужна самому!» Я понял, что такое помещение не отдам никому! Тут будет арт-салон. Затянув поясок потуже, я приобрел доски для небольшой сцены. Моя подруга – телеведущая, певица и общественный деятель Нази Сарджвеладзе, вызвалась оформить подмости занавесом. В итоге помещение стало походить на миниатюрный театр, который в самом деле зарегистрирован в госреестре как «Театр-студия «Обводный переулок» (добавлю, кстати, что в творческой биографии нашего театра-студии есть и международные театральные премии, и

гастрольные поездки).

Сегодня сюда приходят люди разных национальностей и вероисповедания и общаются друг с другом на всеобщем языке искусства. Известный американский профессор-русист Бенджамин Сатклифф признается, что он влюблен в старинную атмосферу «Обводного переулка».

За три года после ремонта (который понемногу перманентно продолжается) тут состоялось более ста мероприятий – спектакли, лекции, творческие вечера... Символическая плата за посещение – это зрительские донаты, которые иной раз составляют сумму, на которую можно разве что купить бутылку шампанского в честь «виновника» мероприятия.

Лекции Михаила Ляшенко и Анны Шахназаровой, посвященные русским и грузинским поэтам-новаторам, творившим в нашем городе сто лет назад, творческий вечер ведущего актера Театра имени Грибоедова Валерия Харютченко, рассказы путешественника и публициста Александра Авсаджанишвили о своих спелеологических экспедициях, спектакль актера московского театра на Таганке Игоря Пеховича с участием местных энтузиастов, моноспектакль актрисы из Израиля Татьяны Хазановской, вечер памяти замечательного грузинского контрабасиста Тамаза Курашвили с прослушиванием виниловых дисков, где он играет с выдающимся пианистом Вагифом Мустафой-заде, вы-

ступление певицы и композитора Ларисы Новосельцевой, встреча с живыми легендами грузинского футбола Манучаром Мачаидзе и Ревазом Дзодзуашвили, встреча с прибывшими из Еревана писателем и издателем Андроником Романовым и его супругой, поэтессой и актрисой Эммой Огольцовой, презентация новой книги уроженки Тбилиси, профессора Марины Кшондзер, прибывшей из Германии... Всех перечислить невозможно!

В старинный двухсотлетний дом на Обводном удалось вдохнуть новую жизнь. Сегодня – это место встречи тбилисцев и гостей нашего города, которые говорят словами мира, любви и творчества. А такие слова в переводе не нуждаются – они понятны всем.

Впереди – множество задумок и планов. Мне остается лишь повторить название моей первой пьесы: «Будем надеяться!»

Давид Кумариташвили и Нодар Уриадмкопели

МЕЧТА ЮНОГО ЧЕМПИОНА

Тенгиз ПАЧКОРИЯ

Имя талантливого грузинского саночника Нодара Кумариташвили известно всему миру. Он трагически погиб 12 февраля 2010 года во время тренировочного заезда на трассе в Уистлере за несколько часов до церемонии открытия Зимней Олимпиады в Ванкувере. Ему был 21 год...

Недавно в Бакуриани прошел чемпионат Грузии по летним роликовым санкам. В возрастной категории до 11 лет чемпионом Грузии стал 10-летний Нодар Ури-

адмкопели — племянник Нодара Кумариташвили. Я побеседовал с юным чемпионом и его дедом — титулованным саночником и тренером Давидом Кумариташвили. И это династия, ведь Нодар — племянник, а Давид — отец Нодара Кумариташвили.

— Я живу в Тбилиси, — рассказал мне 10-летний спортсмен, — но очень часто приезжаю в Бакуриани — и на каникулы, и в любое свободное время. Здесь вот уже два года меня тренирует дедушка Давид. У меня есть еще два

тренера — Леван Гурешидзе и Каха Вахтангишвили. Я очень люблю санный спорт и хочу продолжить дело моего дяди Нодара Кумариташвили. Я мечтаю стать профессиональным саночником, выступать на международных турнирах. Моя цель — попасть на чемпионат Европы, чемпионат мира и на Зимние Олимпийские игры.

— Чем ты еще увлекаешься, кроме санного спорта?

— Мой дядя Нодар в детстве и юности очень любил играть в футбол. Об этом мне рассказывали и дедушка, и моя мама, Мариам Кумариташвили. Поэтому я тоже увлекся футболом, играю в детской команде в Тбилиси, болею за сборную Грузии и особенно — за Хвичу Кварацхелия. Но мое главное занятие — это санный спорт, а главная цель — стать успешным саночником.

Давид Кумариташвили добавил, что как тренер сделает все для того, чтобы дать Нодару необходимые знания и навыки. «Жизнь покажет, что из этого получится, но главное, что Нодар очень любит санный спорт, тщательно тренируется и жаждет успеха», — отметил Давид.

А если вернуться к теме династии, то следует добавить, что одним из основателей санного спорта в Грузии был родственник Давида, Алеко Кумариташвили. Это было 50 лет назад. Сын Алеко, Феликс Кумариташвили, был успешным саночником в 1970-1980-х годах, работал главным тренером сборной Франции и сборной Грузии. Сын Феликса, Владимир Кумариташвили, тоже был саночником, а потом стал тренером, несколько лет занимал пост президента Федерации санного спорта Грузии. И, наконец, сын Владимира, Саба Кумариташвили, тоже был успешным саночником, призером и победителем ряда международных турниров, участвовал в Зимних олимпийских играх 2022 года в Китае. А президентом Федерации санного спорта страны в настоящее время является Каха Кумариташвили — еще один представитель славной спортивной династии.

Тбилиси-Бакуриани-Тбилиси

СДЕЛАТЬ МИР ЛУЧШЕ

В Батуми появилось книжное издательство «Тифлиссский дворик». В планах нового издательского дома – выпуск произведений как западников, так и почвенников на русском языке. Отдельная задумка – издание философских и религиозных книг. Первой книгой «Тифлиссского дворика» станет антология «Цветочки Франциска Ассизского».

Франциск Ассизский – католический святой, чья личность на протяжении вот уже восьми столетий вызывает огромный интерес. Богослов, философ, реформатор, романтический герой, покровитель животных, утешитель страдающих – он привлекает к себе сердца и умы самых разных людей.

«Цветочки Франциска Ассизского» – собрание орденских и народных преданий о Святом Франциске. Название связано с итальянским словом Fioretti, которое можно перевести и как «цветочки», и как «благочестивые поступки». Текст был написан в конце XIV века.

Издательство надеется, что многие захотят прикоснуться к этому удивительному тексту. Для этого на платформе «Планета.ру» (<https://planeta.ru/campaigns/235284>) стартовала кампания по сбору средств на издание книги, которая в Грузии выйдет впервые (в каноническом переводе Александра Печковского).

Планируется издать 300 экземпляров в твердой обложке формата А5.

«Тифлиссский дворик» обращается ко всем, кому небезразлична высокая литература и кто готов помочь благородному книжному делу.

У нас с вами есть шанс совместно сделать этот мир чуточку лучше.

Артем КОМАРОВ

УЩЕЛЪЕ МАЧАХЕЛА

Фото: Серго ЭДИШЕРАШВИЛИ